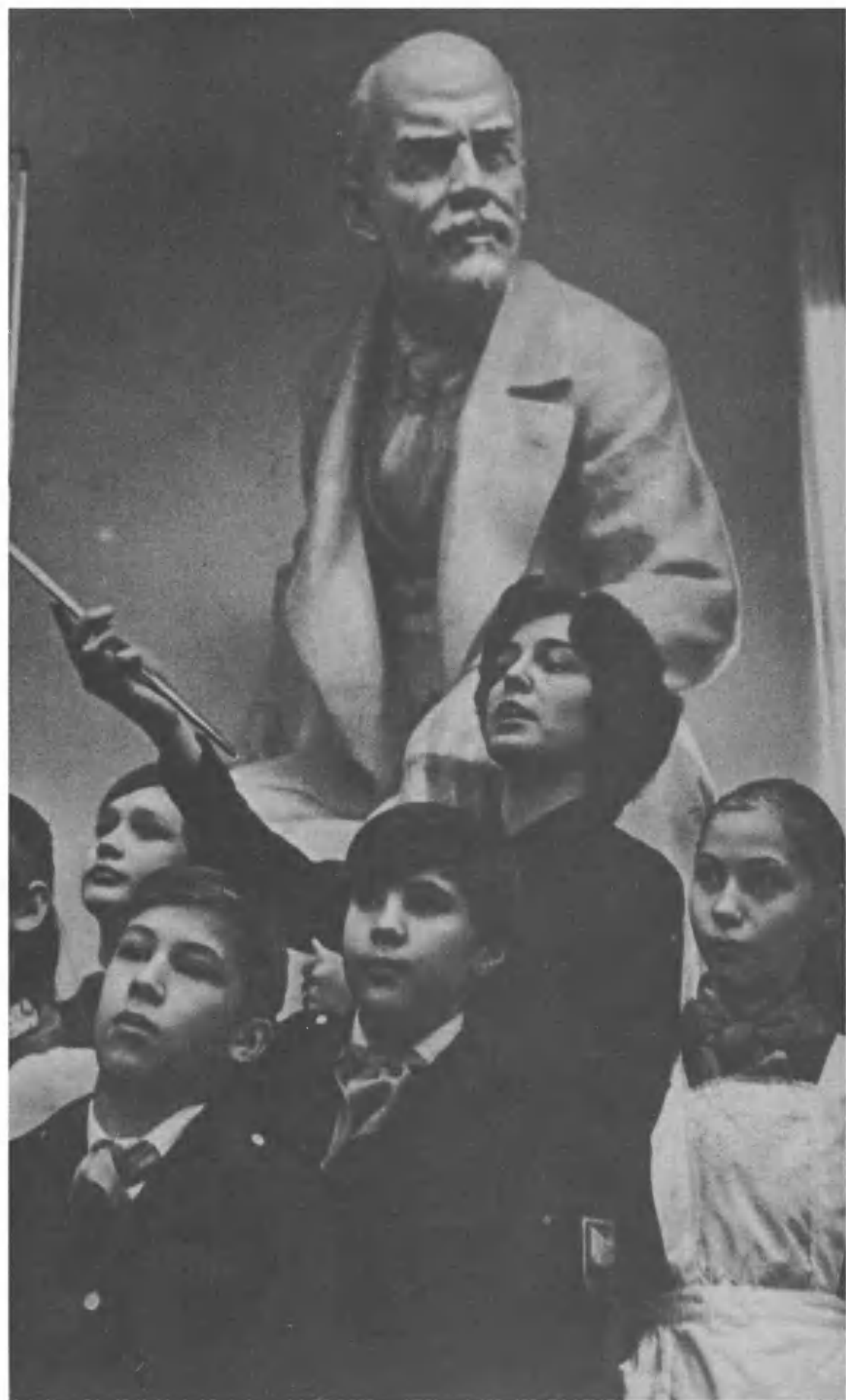

Искорка 4
1977

АПРЕЛЬ • 1977

год издания XXI

газеты
«Ленинские
искорки»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Иосиф КУРЛАТ

Чилиец Володя

Мальчик родился в семье у Рауля.
Дом загудел, зажужжал, словно улей.
Друзья набежали, соседи, родня.
Праздник в семье продолжался два дня.
Вы торжества веселей не видали!
Мальчику имя хорошее дали.
В испанском подобного имени нету.
Но облетело оно всю планету.
Имя — Октябрьского взлёт кумача,
Имя в честь Ленина, в честь Ильича.

Папа весёлый, с большими усами,
С чёрными, словно оливы, глазами.
Грузчиком был и работал в порту.
У папы всегда сигаретка во рту.

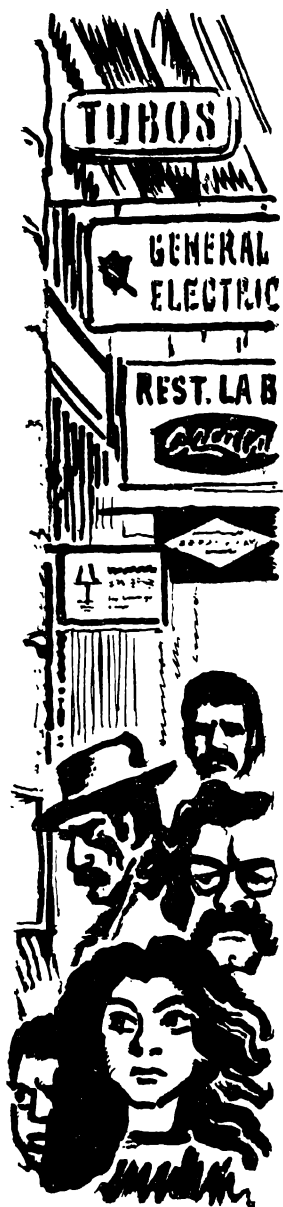

Рис. Г. Моисеевой

А мама, управившись в доме сначала,
С утра в уголке на машинке стучала.
Папа домой возвращался и маме
Что-то шептал молодыми губами.
На руки сына ласково брал,
Топорщил усы и в «лошадку» играл.

Время, как спринтер, бежит, и Володя
В школу впервые с портфелем приходит.
Мел у доски осторожно берёт.
«Чи-ли», — он пишет. — «Свобода», «Народ».
После уроков бьёт мяч и пасует.
Вечером дома в альбоме рисует.
Вот на листе он бумажном зажжёт
Красное солнце и красный флажок.

Это случилось в грозу на рассвете.
Спали ещё утомлённые дети.
Видели сны... А в квартиры, в дома
Прикладами смерть застучала сама.
Володя проснулся, увидел, как на пол
Швырнули солдаты избитого папу,
Как маму Марию к крыльцу волокли,
Как красные слёзы у мамы текли.
И он закричал и рванулся к солдатам —
Хотел отомстить изуверам проклятым.
Но кто-то Володю ударил тычком,
И мальчик в беспамятстве рухнул ничком.
Захлопнулась дверь, словно щёлкнула
клетка.

...Спасла мальчугана старуха соседка.

Однажды на площади главной в Сант-Яго
На стенах домов запестрела бумага.
И каждый плакат — из альбома листок,
И каждый — народного гнева росток:
Земля, иссушённая горем до донца,
Над нею — огромное чёрное солнце.
Но рядом — борьбы и восстания знак —
Рабочего красный, могучий кулак.
Ищейки искали, ищейки ловчили,
Но прячет в народе художника Чили.
В посёлках, за городом, в доме любом
Готов запасной для Володи альбом.
И верит мальчишка, плакаты рисуя:
«Родную страну от фашизма спасу я.
Когда же победа к народу придёт,
Вновь красное солнце над Чили взойдёт!»

ЛЕНИН ПРИЕХАЛ...

Ранним утром посыльный с телеграфа подошёл к высокому угловому дому № 48/9 на Широкой улице. Обошёл подъезды и наконец обнаружил нужный ему, над которым на табличке значилась квартира № 24. Именно сюда была адресована телеграмма на имя Анны Ильиничны Елизаровой-Ульяновой. Это была старшая сестра Ленина, вместе с ней тут жила и младшая сестра — Мария Ильинична. Она и побежала открывать дверь на звонок посыльного. Быстро вручив ему расписку, Мария Ильинична нетерпеливо взглянула на телеграмму:

— Торнео,— прочитала она.— Торнео... да где же это?— И вспомнила, что это станция на границе Швеции и Финляндии. Сердце её взволнованно забилося. «От Володи!»— подумала она и не ошиблась.

Как только радостная весть о том, что в России свергнули царя, что произошла Февральская революция, докатилась до находившихся в эмиграции Владимира Ильича и Надежды Константиновны, они потеряли покой. Одна мысль владела ими: «Скорее, скорее на Родину!» Начались долгие хлопоты: ведь ещё продолжалась первая мировая война и не так-то просто было вернуться в Россию.

Миновал март, и вот наконец долгожданная минута — Ленин, Крупская и другие ехавшие с ними революционеры-эмигранты на пограничной станции Торнео. Финляндия в то время являлась частью Российской империи, — значит, они уже на родной земле. Отсюда скорый поезд под № 12 без пересадок прямым ходом доставит их в Петроград. Вот и билеты получены, Ленину и Крупской достались места в вагоне № 5. Теперь можно и родных известить.

...Сёстры Ильича радостно перечитывали коротенькую телеграмму, состоявшую всего лишь из семи слов. «Приезжаем понедельник ночью 11 сообщите Правде УЛЬЯНОВ».

— Понедельник? Да ведь это же сегодня! — весело восклицает Мария Ильинична. — Сегодня Володя и Надя уже будут здесь...

В то раннее апрельское утро кроме них ещё никто в Петрограде не знал о предстоящем приезде Ленина. Как можно скорее надо известить об этом ближайших друзей и соратников Ильича. Мария Ильинична быстро одевается и выходит на улицу. Она направляется к особняку Кшесинской, где в то время находились Центральный и Петроградский комитеты партии большевиков. Здесь телеграмма вызвала ликование. Вождь партии возвращается в Питер! Встретить Ленина надо широко и достойно.

Однако как же оповестить рабочих Петрограда, солдат, матросов о приезде Ленина? Случись это в обычный будний день, всё было бы просто. А тут, как назло, второй день пасхи — никто не работает. И всё же, несмотря ни на что, питерские пролетарии должны быть оповещены — так решили в штабе большевистской партии. И закипела работа. Прежде всего связались с районными комитетами партии. В рай-

комах отобрали активистов и послали их в рабочие районы. Они ходили из дома в дом, сообщая радостную весть. Им стали помогать и сами рабочие. Число посыльных росло с каждым часом. Волнующее известие распространилось по красному Питеру с необычайной быстротой.

Тем временем установили связь с воинскими частями, расквартированными в городе, с флотскими экипажами и боевыми кораблями. Особо оповестили военных моряков Кронштадта. Всем было сказано, что поезд, в котором ехал Ильич, прибудет на Финляндский вокзал примерно в начале двенадцатого часа ночи. Погода в тот день была, как говорится, типично петроградская. С самого утра зарядил, словно процеживаемый сквозь гигантское сито, дождик. Шёл он весь день, не переставая. С Невы порывами дул злой, пронизывающий ветер. Но на непогоду никто не обращал внимания. Разве могла она помешать питерцам встретить вождя рабочего класса!

Хотя поезд ждали в двенадцатом часу ночи, уже около семи часов вечера на площади перед Финляндским вокзалом бурлило людское море. Одними из первых явились сюда рабочие Выборгской стороны — им до Финляндского было ближе всех. Рабочие колонны с далёких питерских застав ещё находились в пути. В те времена и вокзал и площадь выглядели иначе, чем в наши дни. Из всех вокзалов Петрограда Финляндский был самым маленьким, и такой же небольшой была площадь перед ним. О том, чтобы разместиться на ней всем встречающим, нечего было и думать. Поэтому оказались запруженными все улицы и переулки, прилегавшие к площади.

Тем временем поезд № 12 приближался к Петрограду. И чем больше сокращалось расстояние, тем сильнее волновался Ленин. Хотя Финляндия тогда входила в Российскую империю, но всё же между ней и всей остальной Россией существовала граница. Вот поезд пересек и этот рубеж и, пройдя по небольшому мосту через реку Сестру, через пару минут остановился на станции Белоостров. Владимир Ильич и не подозревал, что уже здесь произойдёт его первая встреча с питерцами, которые послали в Белоостров специальную делегацию. Встреча здесь была короткой, ведь Ленина ждал пролетарский Питер. Поезд тронулся. Оставался последний отрезок пути. Ленин оживлённо беседовал с встретившими его в Белоострове товарищами. Время от времени он вглядывался сквозь окно, но по-прежнему моросил дождь, и ночная темнота была непроглядна...

Но вот наконец поезд сбавляет ход, ещё минута, другая, и он завершает свой бег у платформы Финляндского вокзала. Здесь — яблоку негде упасть. Платформа сплошь запружена. Едва Владимир Ильич показался в дверях вагона — громовыми раскатами прозвучали приветственные клики. И сам Ильич был взволнован до крайности, он на родной земле, в Петрограде, столь близком и дорогим ему городе.

Но главная встреча ожидала его на привокзальной площади. Никакие описания не в силах передать того огромного ликования, того восторга, того радостного биения десятков тысяч сердец, вызванного появлением Ленина на ступеньках вокзала. На площади вместе с рабочими находились солдаты с броневиками и военные прожектористы. Вот вспыхнул ослепительный луч прожектора и, прорезав темноту, осветил Владимира Ильича. Рядом стоял броневик. И чтобы весь народ на площади смог увидеть вождя революции, сильные руки рабочих и солдат помогли товарищу Ленину подняться на башню броневика. Площадь, не переставая, гудела тысячами голосов, приветствовавших Ильича. Но вот он поднял руку. Все поняли, что сейчас прозвучит ленинское слово. Площадь мгновенно замерла.

Ленин начал говорить. Речь его была короткой. Он приветствовал пролетариат красного Питера, отважных бойцов революции. Но свержение царя — это лишь только начало борьбы. Февральская революция — буржуазно-демократическая. Хотя царя и сбросили, власть продолжала оставаться в руках капиталистов. Вот почему Ленин, заканчивая с башни броневика своё короткое приветствие, провозгласил здравицу в честь другой революции — революции социалистической.

Глухо зарокотал мотор броневика. Машина тронулась в путь, по минутно останавливаясь. Владимир Ильич с подножки броневика приветствовал питерских пролетариев. Путь был недалёким — к уже знакомому нам особняку Кшесинской, к штабу большевистской партии. Наконец броневик остановился. Ленин спустился с машины и вошёл в особняк. А тысячи людей, которые словно в почётном карауле сопровождали броневик от Финляндского до особняка Кшесинской? Они заполнили всё пространство вокруг особняка. Многие оставались здесь всю ночь. Они были уверены, что Ленин обязательно появится перед ними и снова обратится к ним с речью.

В Мраморном зале особняка собрались активисты Петроградской организации большевиков. Началась беседа. Владимир Ильич рассказывал, как труден был путь на Родину. Ведь продолжалась империалистическая война, а империалисты знали, что Ленин самый яростный противник и активнейший борец против этой грабительской, антинарод-

ной бойни. Поэтому они и чинили всяческие препятствия возвращению Ленина на Родину.

— Прекратить войну, наделить крестьян землей — вот важнейшие задачи нашей борьбы, — разъяснял Ленин. — Но, чтобы решить их, власть в стране должна перейти в руки рабочих и крестьян.

Снаружи доносилось гудение людской массы, окружившей особняк. И Ленин несколько раз появлялся на балконе и обращался к трудящимся Петрограда. Этот балкон существует и поныне, и в память о выступлениях Ильича в первую же ночь по возвращении на Родину на фасаде особняка укреплены мемориальные доски.

Почти до самого утра Владимир Ильич и Надежда Константиновна находились в особняке Кшесинской. Надо было и отдохнуть. Уже рассвело, когда Ленин и Крупская приехали в знакомый нам дом на Широкой улице на квартиру Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой. Теперь эта улица носит имя Ленина. Изменился и номер дома, теперь дом значится под № 52/9. Почти все обитатели квартиры № 24 — сёстры Ленина, муж Анны Ильиничны Марк Тимофеевич Елизаров, конечно, встречали Владимира Ильича. Одному жильцу всё же не повезло. Это был мальчик Гора Лозгачёв, усыновлённый Елизаровыми. Уж очень ему хотелось встретить Ленина, но время было позднее, и слишком мал был Гора. Беднягу так и не взяли на Финляндский вокзал. Гора был страшно огорчён, но что поделаешь! Тогда он решил не ложиться спать и во что бы то ни стало дожидаться Ленина, которого никогда прежде не видел, а только знал по фотографиям. Сидит парнишка и ждёт... Вот уже пробило двенадцать часов ночи, а Владимира Ильича и всех домашних всё нет и нет. Гора изо всех сил крепится, чтобы не заснуть... Увы! Ничего не вышло — заснул-таки, и крепко.

Позднее Георгий Лозгачёв в своей книге вспоминал:

«Утром я проснулся, услышав в коридоре чей-то незнакомый, но весёлый мужской голос, быстро вскочил с постели и, ещё сонный и полуодетый, открыл дверь в коридор. Напротив моей комнаты стоял коренастый, небольшого роста, широкоплечий человек... Он уже успел умыться и, пофыркивая, вытирал полотенцем лицо, такое же, как на фотографии те же, подстриженные усы и знакомые смеющиеся глаза...

— Ну, здравствуй, здравствуй! — проговорил он и протянул мне свою влажную после умывания руку».

Так произошла эта встреча с Лениным, запомнившаяся мальчику Горе Лозгачёву на всю жизнь...

Утром произошёл ещё один интересный эпизод. В квартиру позвонили, пришёл старший дворник — новым жильцам надо было прописаться.

— Откуда прибыли? — спросил старший дворник у хозяйки квартиры Анны Ильиничны.

Она знала, что Временное правительство не очень жалует революционеров, да к тому же ещё большевиков, тем более, если они как эмигранты возвращаются из-за границы. Поэтому ответила:

— Из Москвы.

Старший дворник записал, а потом обратился уже к самому Владимиру Ильичу:

— Если не служите, то как записать в домовую книгу, на что живёте?

— А как у вас пишутся другие господа, которые нигде не служат?

— Таких много, почтенные господа живут на капитал...

— Вот так и запишите: живёт на капитал, я за это отвечаю, — заявил Владимир Ильич.

И в домовой книге появилась запись: «Живёт капиталом, а его жена при муже». Старший дворник и не подозревал, что новый жилец — один из крупнейших революционеров в мире.

...В доме на Широкой улице Владимир Ильич и Надежда Константиновна прожили три месяца. И с первого же дня погрузились в кипучую революционную работу. В этот первый день Ленин уже должен был выступить в Таврическом дворце. В то время тут размещался Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Ильич должен был выступить на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, раскрыть план борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической. Этот исторический доклад Ильича вошёл в историю нашей партии под названием знаменитых Апрельских тезисов.

С утра Ленин весь в мыслях о предстоящем выступлении. Но неспокойно у него на душе. Всех увидел Ленин, радостной была встреча с родными. Не увидел только горячо любимую мать. Не прошло ещё и года, как Мария Александровна умерла в этой же квартире, так и не дождавшись возвращения своего любимца. Тяжело переживал Владимир Ильич, когда в эмиграции до него дошла скорбная весть о смерти матери. Сколько довелось ей пережить, сколько горя пришлось хлебнуть этой хрупкой женщине, воспитавшей целую семью страстных революционных борцов...

И теперь, в это первое питерское утро, горе снова разбредило сердце Ильича. Он отошёл к окну, и с необыкновенной силой нахлынули на него воспоминания о матери. В последний раз он виделся с ней семь лет назад, и это была их действительно последняя встреча. Не дома, не в России. Это произошло в городе Стокгольме. Мария Александровна вместе с дочерью Марией Ильиничной приехали в шведскую столицу, чтобы повидаться с Владимиром Ильичём. Быстро пролетело время, мать и сын не успели наглядеться друг на друга, как уже наступил день расставания.

Мария Александровна с дочерью возвращались в Россию морем. Ленин провожал их в Стокгольмском порту. Многие провожавшие понимались по трапу на пароход. Хотелось и Ленину подняться, чтобы ещё десяток-другой минут побыть рядом с матерью и сестрой. Но Ильич не мог себе этого позволить. То был русский пароход, его палубы

считались территорией России. И если бы Ленин поднялся на палубу, его могли бы здесь арестовать. Так и оставался он на пристани и с берега неотрывно смотрел на мать. А Мария Александровна смотрела на сына, и столько было в её взгляде любви и тревоги за него. Нет, никогда не мог Ильич забыть этого безмолвного прощания...

Предстоял большой хлопотливый день. Но Ильич знал, что не успокоится, пока не побывает на могиле Марии Александровны. Он думал об этом уже ночью в особняке Кшесинской. И близкий товарищ Ленина по партии, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, обещал разыскать машину. Между выступлениями в Таврическом дворце Бонч-Бруевич и Ленин поехали на Волково кладбище.

Теперь на месте, где похоронена Мария Александровна, находятся ещё три могилы — двух сестёр Ильича — Анны и Ольги, а также могила мужа Анны Ильиничны, первого народного комиссара путей сообщения Марка Тимофеевича Елизарова. Участок, где находятся могилы, называется «Мемориал Ульяновых». Трудящиеся Ленинграда возвели здесь памятник членам знаменитой революционной семьи.

Тогда же, 4 апреля 1917 года, всё выглядело по-иному. Ленин и Бонч-Бруевич приблизились к небольшому холмику, последнему пристанищу Марии Александровны. Лицо Ильича было полно печали. Обнажив голову, он молча склонился перед могилой. Горестным было это свидание. Вспоминая о нём, Бонч-Бруевич написал: «Тропинка на Волковом кладбище к маленькому холмику была одной из самых тяжёлых дорог Ильича...»

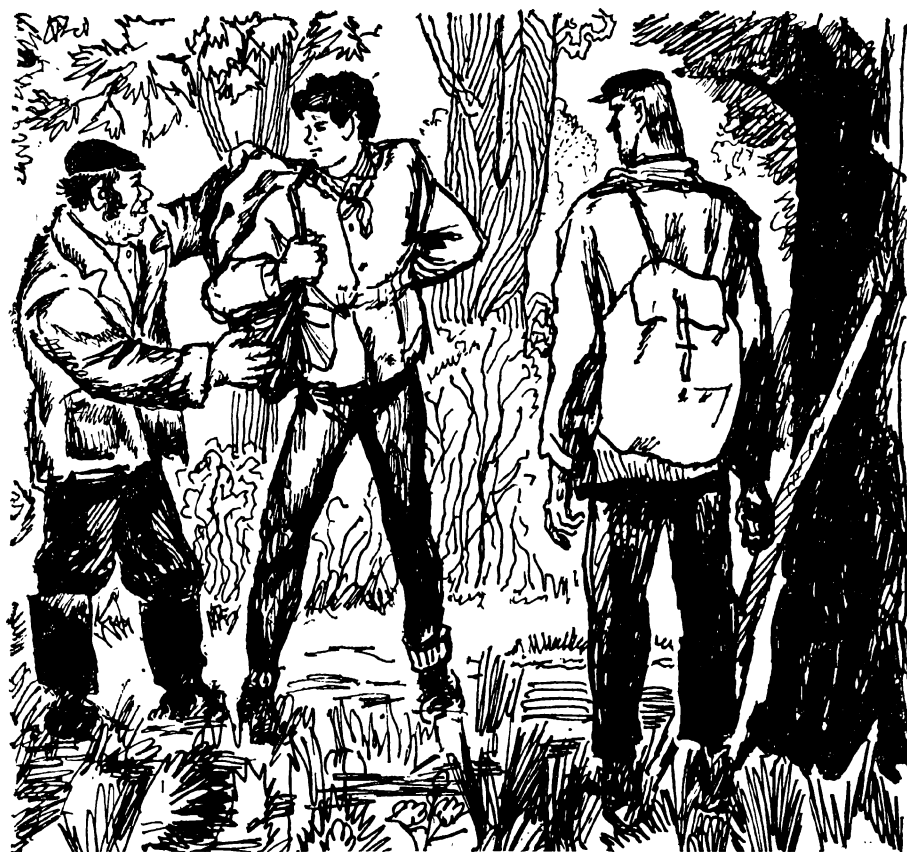
Вскоре они снова возвратились в Таврический дворец. Вы знаете, что Ленин выступал перед большевиками, участниками Всероссийского совещания Советов. Это происходило в одном из помещений во втором этаже. Но вот сюда вошло несколько делегатов снизу, из большого думского зала. Они попросили Ленина выступить в главном зале перед всеми прибывшими участниками Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. Владимир Ильич согласился.

Вот он входит в думский зал. Здесь и большевики, и меньшевики, и представители других партий.

Когда было объявлено, что слово предоставляется товарищу Ленину, огромный переполненный зал замер. Это было как бы затишье перед бурей... Ленин стоит на трибуне и снова говорит о неотложных задачах пролетариата, знакомит делегатов совещания с боевой программой большевистской партии. Речь Ленина пряма и беспощадна. Он бросает в лицо меньшевикам неприкрытую правду об их подлом соглашательстве с буржуазией, резко обличает их как лакеев капиталистов.

И буря разразилась. Меньшевики взбешены и неистовствуют. Раздаются крики «Долой!», слышится злобная ругань. Перекрывая этот шум, бурно аплодируют со своих мест большевики. А Ленин продолжает разить врагов. Он провозглашает: никаких соглашений с классовым врагом — буржуазией и Временным правительством. Он стоит на трибуне, глубоко уверенный в своей правоте, в том, что пролетариат победит, возьмёт власть в свои руки и провозгласит Республику Советов.

...Ленин приехал! С радостью делились этой вестью рабочие и солдаты красного Питера. Приехал вождь революции. Он встал во главе борьбы, которая через каких-нибудь полгода завершится исторической победой Великой Октябрьской социалистической революции.

ПРОБУЖДЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Страх

Они увидели его и пошли навстречу. Ещё можно было рвануться в сторону, скрыться за деревьями.

«Убежать? Нет, стыдно как-то. Пойду чуть левее просеки. Если не окликнут, значит, снова выйду к столбам».

— Эй, парень!

Они разделились и пошли так, чтобы, в случае чего, было удобнее перехватить его.

— Подожди, поговорить надо,— крикнул тот, что пониже ростом.

Шульгин остановился. Застучало сердце. Ноги стали тяжёлыми, будто он вошёл по колено в трясину.

— Заблудились мы,— сказал всё тот же маленький.— Ты, случаем, не поможешь выбраться на дорогу? Мы бы тебя отблагодарили.

Теперь они стояли рядом. Один — маленький, корена-

стый, с густыми бакенбардами, в которых запутались ёлочные хвоинки, с большими розовыми кулаками, будто гирями, и таким же розовым лбом. Широкий шрам над верхней губой под носом, казалось, когда-то был ещё одним, вторым ртом. Он шурился и часто моргал. Другой—высокий, остроносый, глубоко посаженные глаза были похожи на две амбразуры. Он помахивал толстой берёзовой палкой.

— Я сам не знаю дороги,— сказал Шульгин.— По столбам иду. И вам советую...

— А ты откуда?

— Из Ленинграда.

— Вот оно как... Издалека, значит,— проговорил коренастый.— И что ж тебя сюда занесло?

Шульгин усмехнулся. Сами, что ли, не знают. Поиграть со мной захотелось? Ну, что ж...

— Попутешествовать решил. А тут заблудился, отстал от группы и вот болтаюсь по лесу... Нужно было компас взять.

Он старался говорить небрежно и сдержанно, но это плохо ему удавалось. В горле першило, голос дрожал и срывался. И, сам того не замечая, Шульгин медленно отступал назад.

Те переглянулись. Высокий прикрыл глаза.

— Так, так... Мы вот тоже блуждаем. Теперь втроём пойдём. Говорят, молодым больше везёт. Не возражаешь?

«Будто им моё согласие нужно! Всё равно теперь глаз с меня не спустят».

— Можно,— произнёс он.— Одному плохо...

— Тебя как звать-то?

— Сергей.

— Молодец, что путешествуешь. Годиков-то сколько?

— Шестнадцатый.

— Ну, совсем взрослый... Однако что ж мы стоим? Небось есть хочешь?

— Нет, не очень...

— Ну, не стесняйся. Вот, давай-ка сюда, здесь и присядем.

Они подошли к толстой ели. Рядом с ней стоял круглый старый пенёк. Молчун прислонил к нему свою палку. Шульгин пригляделся к молчуну и почувствовал, как приостановилось сердце. Именно его видел Шульгин в больнице. Только теперь, вблизи, он казался ещё крупнее и старше. А во взгляде— всё то же беспокойство, будто ищет какую-то нужную вещь.

— Помочь снять рюкзак? Вон какой он у тебя тяжёлый — пуда два. Лямки в плечи так и впились!

— Не стоит, я сам,— быстро сказал Шульгин, отворачивая рюкзак в сторону.

— Да ты не напрягайся, помогу,— подскочил к нему коренастый и ухватился за рюкзак.— Ох, какая тяжесть, ну и силы у тебя!.. Перекусим, а потом двинем дальше. Если до ночи не выйдем — заночуем.

Шульгин ухватился за рюкзачный ремень и заставил коренастого отпустить лямки. Поставил рюкзак на землю. Коренастый отошёл. Шульгин сел на рюкзак и обхватил руками колени. Пистолет за пазухой

упёрся ему в ребро — пришлось выпрямиться. Коренастый опять подошёл.

— Держи-ка, вот хлеб и колбаса. Только не торопись лопать, мы тебе сейчас рюмочку для аппетита. Вспрыснем за знакомство.

«Напоить хочет, тогда со мной будет просто...»

— Я не употребляю.

Коренастый не слушал. Посмеиваясь, ухватил пальцами золотистое ухо «Экстры» и распечатал её. Достал из кармана куртки синий пластмассовый стакан, плеснул в него водку.

Молчун сидел чуть в стороне и как сыч смотрел на Шульгина. Он медленно двигал челюстями, будто жевал резину. Перед его глазами кружились комары, садились на лоб, но он будто не чувствовал их — не прогонял. Шульгину стало страшно. Он даже губу закусил, чтобы не кричать.

— Ну, долго ещё держать? — протягивал коренастый водку. — Не отраву же предлагаю.

— Я уже сказал — не буду!

— А ты, видно, парень с характером. Чувствуется питерская закваска... Ну, не надо и не надо. Нам больше достанется. Правильно я говорю? — обратился он к молчаливому приятелю. Тот не ответил. Только медленно наклонил голову, будто шею он сгибал через силу.

— Говорят, у вас в Питере мостов много? — интересовался коренастый.

«Врёшь, гад, был ты в Ленинграде. А теперь своими вопросами тянешь время. Видно,

ещё рано начинать расправу со мной...»

— Много. И ни одного нет похожего на другой, — ответил Шульгин.

— И фонтанов много?

«Вечера они ждут, темноты. А потом пристукнут меня, и рюкзак уйдёт с ними. Что же делать? Теперь ясно, чего недосказал мне тогда Анатолий Дмитриевич: о них, об этих типах, которые могли прийти сюда за мной... Видел же меня тогда молчун в больничной палате и обо всём догадался».

— Рюкзак у тебя здоровый... Что у тебя там?

«Вот оно, начинается... Если встать и помчаться через лес, можно убежать. Но без рюкзака. С рюкзаком они в два счёта догонят. За этими тремя деревьями — поваленная берёза. Бежать нужно туда, а затем в кусты. И резко менять направление...»

— Ничего особенного: палатка, фонарик, лопата...

Шульгин даже встал и с безразличным видом отошёл от рюкзака. Дескать, я вовсе не держусь за него, если любопытно — можете проверить.

Коренастый потянулся к рюкзаку и попробовал поднять его одной рукой. Это ему удалось с трудом. Он тут же уронил рюкзак, внутри звякнуло. Шульгин незаметным движением передвинул пистолет за пазухой, чтобы его можно было выхватить мгновенно. И сел на прежнее место.

— Пора, — взглянув на молчуна, заторопился корена-

стый.— Тучи идут, нельзя здесь оставаться на ночь.— Он даже не прикрыл пробкой свою «Экстру». Сунул её в широкий карман куртки и поднялся. Тут же встал и его приятель.

— Ты идёшь? — спросил он у Шульгина.

— Я бы отдохнул,— сказал Шульгин, не вставая.— А уж завтра утром со свежими силами и бодрым духом...

— Никаких завтра, щенок! — сказал вдруг молчун и, словно куклу, рванул Шульгина с земли, поставил на ноги.

— Ты на него не обижайся,— сказал коренастый и помог Шульгину поднять рюкзак.— Это он по-дружески...

— Ага, это уж я просто такой невоспитанный.— Молчун хлопнул Шульгина по плечу.— Давай, ленинградец, топай. Смотришь, к вечеру выберемся и расстанемся, довольные друг другом.

Шульгин присмотрелся к лесу — в какую бы сторону рвануть. Можно было броситься влево, в кусты. Но он не рискнул это делать сейчас, когда было ещё светло.

Стреляю без предупреждения

Первым пошёл коренастый. Шульгин хотел пропустить вперёд и другого: Но тот остановился и подождал, когда тронется Шульгин. И только после этого двинулся за ним. Теперь Шульгин уже не сам шёл — его вели. Чтобы проверить это, свернул в сторону.

— Э-эй! — крикнул коренастый и бросился вдогонку.—

Вместе пойдём, ты обещал нам помочь выйти из леса.

— Ничего я не обещал. Вот просека, идите по столбам.

— А за что мы тебя колбасой кормили? — спросил как бы в шутку коренастый.

«Кормили они! Явились за тайником, а там — фига! И теперь поняли, что всё у меня...»

Шульгин начинал догадываться, что случилось в комнате Анатолия Дмитриевича. «Это они приходили к нему. Разыскали наконец и потребовали, чтобы он сказал им, где тайник. А он молчал, и они... Никуда он не падал, ни на какую батарею... Но как они очутились здесь? Может быть, Анатолий Дмитриевич всё-таки сказал им? Что же они тянут? Откладывают до темноты? Или ещё сомневаются, один ли я здесь. Не выйдет! Стоит мне только незаметно сунуть руку за пазуху, и тогда — берегитесь!»

Молчун и коренастый остановились. Пристально вгляделись вдаль, по просеке. Было похоже, что там уже кончался лес. Но им это было не нужно. Коренастый сказал:

— А-а, теперь я знаю, куда идти! Можно, конечно, и по линии, но это далеко и выйдем в безлюдное место. Нужно будет снова возвращаться, километров десять топать. Давай — сюда, влево. Через полчаса будем на автобусной остановке.

— Нет,— сказал Шульгин.— Я пойду по просеке.

— Ты пойдёшь там, где мы укажем,— произнёс молчун и толкнул Шульгина в спину.

Лес становился гуще. Деревья в наступающих сумерках сливались друг с другом. Шульгин расстегнул пуговицу на куртке, осторожно повёл ладонь и у самого ремня взялся за рукоятку пистолета. Сзади громко хрустнула ветка — Шульгин обернулся. К нему, сжав обеими руками палку, метнулся молчун. Шульгин отскочил в сторону и выхватил пистолет.

— Стой! — крикнул он, отступая дальше, чтобы видеть обоих. — А ну, подойти друг к другу!

Они замерли, пристально глядя на пистолет. Коренастый

покоился на ближайшее дерево, собираясь, наверно, прыгнуть за него.

— Считаю до двух. Раз! — крикнул Шульгин.

Они боком сдвинулись и стали рядом. В руке у молчуна вздрагивала палка. «Если я спиной пойду назад, то через минуту потеряю их из виду. А они кинутся вдогонку. И я не успею справиться с двумя. Они меня прикончат этой дубиной...»

— Брось палку! — приказал он молчуну, и тот нехотя швырнул её в сторону. — Теперь повернитесь ко мне спиной и обнимите друг друга за плечи.

— Да что ты задумал, парень?— начал было коренастый.

Шульгин выстрелил вверх. Пуля, видно, срезала ветку, потому что она упала между Шульгиным и незнакомцами.

— Больше вверх стрелять не буду. Поворачивайтесь и кладите руки друг другу на плечи. Выйдем из леса — разберёмся. А теперь — к просеке, — диктовал Шульгин срывающимся голосом.

Молчун согнулся, чтобы коренастый мог дотянуться до его шеи.

— Расцёпитесь — стреляю без предупреждения, — приказал Шульгин. Он подивился собственной решительности, но тут же одёрнул себя: «Спокойно, теперь следи!»

— Ой! — вскрикнул коренастый. — Кажется, ногу подвернул. Так болит — аж в глазах темно.

— В самом деле? Что ж, пусть тогда ваш приятель понесёт вас. Забирайтесь к нему на спину. И мне легче будет следить. Живо! Считаю до двух!

Противники зашептались. Потом коренастый сказал:

— Ладно, так попробую... Только знаешь ли ты, куда мы идём? Кажется, не на окраину выходим, а глубже забираемся? И просеки не видать, хотя пора уже...

— Знаю, — сказал Шульгин, трогаясь за ними. Но он не знал, куда вёл. Не знал, куда подевалась просека и где можно выйти из леса. Он со страхом думал о том, что становится

темнее и что скоро перестанет различать их брезентовые куртки, а значит, нужно будет совсем близко подойти к ним.

Рюкзак больно резал плечи, кружилась от усталости и напряжения голова. Он натыкался лицом на ветки и отводил их свободной рукой. Спотыкаясь, чуть не падая, Шульгин вёл незнакомцев по лесу, ещё не зная, чем это для него кончится.

Лишний свидетель

«Нужно уходить, — думал Шульгин. — Удержать их всё равно не сумею. А так хоть рюкзак спасу. Выстрелить в них я не смогу. Даже если бы точно знал, что они враги, никакого права не имею — стрелять в людей... А они подчиняются, делают всё, что ни прикажу! Трусят, наверное. Я бы на их месте хоть как-то постарался освободиться. Например, сговорился бы с приятелем кинуться в разные стороны, а потом...»

Вдруг две серые фигуры мгновенно распались, метнулись к нему, так что он не успел отбежать. Падая, Шульгин зацепился рюкзаком за ветку, и она хлестнула его по глазам. Это молчун сбил его с ног и наступил на кисть, в которой был пистолет.

— О-о, — простонал Шульгин. А молчун вырвал пистолет и ударил ногой в живот. И ещё раз — в лицо.

— Щенок вонючий! Я те покажу водить под пистолетом! Ещё не дорос, скотина, до этого... Проверь у него рюкзак, — приказал он коренастому.

Железные руки вытряхнули Шульгина из лямок, он будто куль ткнулся лицом в траву. Голова от удара гудела, живот свело судорогой от боли.

— Всё правильно, вот она!

— Два с лишним месяца следить и потом потерять этого сопляка здесь... Вмажь ему по рёбрам!

Коренастый подскочил к Шульгину и тупой нос сапога врезался в живот. И ещё раз... Шульгин потерял сознание. Некоторое время лежал неподвижно. Потом зашевелился, прижался горящим лицом к траве. На мгновение показалось, что он остался один. И тут же расслышал:

— Спроси, если мы его не прикончили.

Шульгин закрыл глаза. Ему нужно было время, чтобы прийти в себя. Он ещё не думал, не хотел думать, что всё кончено. В это время жёсткая рука забралась к нему под рубашку и легла на грудь на сердце.

— Живой!

— Спроси, кому он рассказывал о тайнике?

— Эй, 'питерский, очнись... Ты слышишь? Посвети, я посмотрю, может, притворяется? Тогда ухо отрежу.

Щёлкнула кнопка. Ослепительный свет ударил Шульгина по глазам. Он зажмурился и отвернулся.

— Ага, значит, порядок! Кому говорил про соседа? Отцу? Говори, щенок!

— Не помню.

— Говори, гадёныш, иначе навеки останешься в лесу.

Коренастый стал выкручи-

вать ему ухо. Шульгин почувствовал такой жар, будто к уху поднесли раскалённый утюг.

«Они же пытаются меня», — то ли удивился, то ли спросил у самого себя Шульгин.

— Больно! — закричал он и перевернулся, чтобы избавиться от железных пальцев.

— Говори!

— Вы за это поплатитесь. Оставьте рюкзак и уходите, иначе пожалеете.

— Ах, шпана, ещё угрожать! — Молчун ударил Шульгина фонариком в висок. Сказал коренастому: — Всё, от этого полудурка ничего не добьёшься. Надо кончать с ним.

— Нет! — крикнул Шульгин. — Всё равно вас схватят, как пауков. И тогда...

— А ведь ты воистину дурак. Другой бы на твоём месте стал в ногах валяться, жизни просить. А ты, видать, идейный, за Родину подышаешь... Ну, прощайся с жизнью!

— Стой! — сказал коренастый и бросился к молчуну. — На это я не пойду! И уговора не было...

— У, чурбан серый! Тогда я пойду. Давно по тебе тюремная охрана не рыдала? Так ещё зарыдает, если его оставим живым.

Шульгин привстал. Тело не слушалось, и он валился на бок.

— Мы и так уйдём, — сказал коренастый и достал носовой платок. Быстро вытер лицо и руки. — Мокрые дела — не мои. Привяжем к дереву, в такой глухомани не скоро найдут. Но если даже и найдут, мы будем

далеко. Что толку стрелять?.. Вот шнур.

Шульгин уцепился пальцами за корень, встал на колени и быстро пополз в сторону. Но его тут же настигли. Подтащили к дереву. В стороне дважды грохнуло, и коренастый присел.

— Это гром, дурень. Ты со страху в дитё превратился.

Быстро прикрутили тонким шнуром к стволу.

— Вяжи прочней, чтоб эта обезьяна раньше нас не прискакала в деревню. Дай проверю, посвети... Хорош! И тут пару раз крутни, чтоб не перетёр о дерево,— приказал молчун.

— Не перетрёт, шнур капроновый. Скорей можно дерево перетереть, чем его.

— Уходим... Постой, он в себя там ничего не напихал?

Пока коренастый проверял карманы, а потом выбрасывал из рюкзака всё лишнее, молчун светил фонариком и говорил:

— Так тебе и надо, сопляк! Влез не в свою жизнь, кукуй теперь. Ты видел эту вещь? Она от крови красная, с нашей судьбой перемешана. Теперь скули тут, пока не подохнешь... Что ты там возишься?— крикнул он на коренастого.

— Всё, идём,— отозвался тот.— Посвети, мы тут не насорили? Он стал ходить вокруг дерева, тщательно приглядываясь к траве. Молчун светил ему и тихо говорил:

— Если освободят, не вздумай стукнуть. Помни: не успеешь вернуться в любимый город, тебя встретят. Двоих ты уже видел...

Молчун взвалил на спину рюкзак. Шульгин расслышал, как глухо звякнула бронза.

— Иди первый,— приказал он коренастому.

Сломалась под ногами ветка. Прошуршали кусты. Стало тихо.

— Вы за это поплатитесь, придёт время,— прошептал Шульгин. И вдруг в страхе и бессилии закричал: — Гады!..

«...ады»,—откликнулось эхо.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ни капли тщеславия

Шульгин жил в одном из самых старых районов Ленинграда в большой коммунальной квартире. Был он высокого роста и на широких плечах носил крупную голову, которую покрывали тёмные кудрявые волосы. Руки при ходьбе, если в них ничего не было, держал за спиной. Он редко улыбался, и многие предполагали, что Шульгин замкнутый и даже злой парень.

Иногда на улице к нему подходили тренеры по баскетболу — уговаривали заняться спортом. Прочили чемпионские лавры, обещали поездки по городам страны и даже за границу: «Ты посмотри на себя, ты же вылитый спортсмен! Ну разве не обидно — походить на баскетболиста и не быть им?..» Но Шульгин тихо говорил в ответ: «Обойдёмся», — и шагал от тренера в противоположную сторону.

Шульгин не был тщеславен. Никакие победы не прельщали его, а лавры не привлекали своей красотой. Потому что с самого рождения единственной радостью Шульгина был сон. Он спал уже пятнадцать лет, проспал грудной возраст, детский сад и семь с половиной классов средней школы.

Но он не лежал круглые сутки в постели и не храпел на весь квартал. Он жил почти так же, как все его ровесники: ходил в школу и в кино, бегал на лыжах и на коньках, и даже, что самое удивительное,

учился без двоек. Однако Шульгин жил словно бы из-под палки. В школу он ходил потому, что никто не позволял ему оставаться дома. А в кино и на каток его сестра выпихивала — не разрешала весь день валяться на диване. И так далее, до бесконечности...

Требуется нокаут

Время подходило к четырём. По широкой улице мимо школы проносились легковушки и грузовики, разбрызгивая к тротуарам намокший снег. Школьный народ уже разбрёлся по домам, и только в восьмом «А», где учился Шульгин, — собрание. Тут решают, как помочь ему проснуться.

Пришли к этому стихийно — так часто случается в любом нормальном классе... Говорили о текущих делах: двойки не исправляются, заметки в стенгазету не пишутся, театры коллективно не посещаются, и вдруг маленький Миша Плахов положил голову на руки и уснул. Разбудили и, пока Миша смущённо улыбался, ему будто на лоб штамп поставили: «Эх ты, Шульгин-второй!»

Этого было достаточно, чтобы класс мгновенно забыл о двойках и стенгазетах, и стал говорить о Шульгине. Долго спорили, как на него повлиять. Наконец решили: для начала надо затащить его на школьный вечер, посвящённый Международному женскому дню.

— Не придёт, и говорить незачем...

— Конечно! У нас — своя жизнь, а у него — своя...

— Если взяться как следует обязательно придёт,— сказал Вася Горохов.

А Людмила Силич, как всегда, категорично заявила:

— Нужно прикрепить сильного товарища с педагогическим уклоном.

— Стимул нужен, без стимула — невозможно, — перебили её.

— К нему нужно обязательно прикрепить! — твердила Силич.

— Хватит,— сказала Лариса Витковская.— Просто его нужно как следует встряхнуть. Я где-то читала, как один знаменитый боксёр попал в автомобильную катастрофу и перестал говорить...

— Отказал речевой анализатор,— сказал Юра Поярков.

— Ну да,— подтвердила Витковская.— И все думали, что он уже никогда не заговорит. А потом он снова пошёл на ринг, там его послали в нокаут, и он заговорил! Так и нашего Шульгина следует...

— И кто же это сделает? — спросил коллекционер кактусов Николай Достанко.— Может быть, ты?

— А что, запросто! — встряхнула короткими волосами Витковская.— Ты же не сможешь?

— Хорошо, что Шульгина нет,— сказал Достанко и взглянул на своих приятелей Зимичева и Пояркова. Те синхронно подмигнули.— Будь покойна, дорогая, может, поспорим? Ты или мы втроем — кто скорей его расшевелит?

Витковская закусила губу.

— Хорошо, попробуем. Думаю, проиграешь...

— Поддерживаем хорошее начинание, — важно сказал Горохов. А староста класса Тома Железная радостно улыбнулась.

Шульгин на собрании не присутствовал, он вообще не любил собраний, а потому не знал, что над его безмятежной жизнью нависла угроза. И не только в лице Ларисы Витковской.

Принципиальный Поярков

На что рассчитывали трое одноклассников во главе с Достанко? Они довольно скоро определили, что главной слабостью Шульгина является его одиночество. Именно по одиночеству и решено было нанести первый удар.

Поярков надеялся на свой фотоаппарат. Он делал хорошие снимки, но в конце концов ему надоело снимать всех желающих. И, отказывая кому-то, Юра теперь говорил: «Понимаешь, братец, я снимаю только интересных людей — дрессировщиков, капитанов дальнего плавания и нашу буфетчицу тётю Френю... Почему её? Потому что у неё можно всегда купить пирожок с повидлом!..»

Он думал, что после этого никто не станет просить. И ошибся, потому что плохо знал своих сверстников. Стоило школьникам прослышать, что Поярков снимает только «выдающихся», как вдруг все стали требовать, чтобы Поярков

обязательно сделал их портрет.

Поярков сфотографировал самых достойных — чемпиона города по классической борьбе среди юношей Виктора Лусто, круглую отличницу Майю Коновалову и свою одноклассницу Ларису Витковскую — лучшую танцовщицу и хореографа школы.

Но что стало твориться с другими, кого Поярков не считал выдающимися?! Они упрасивали, настаивали и даже угрожали. Некоторые вообще обижались: «Ну, чем я хуже твоей Витковской?.. Её снял, а меня так нет? Подумаешь, она танцует! А зато я победительница математической олимпиады и, кроме того, умею вышивать гладью и болгарским крестом...»

Слава Пояркова росла. И вскоре все поняли, что он действительно знает толк в людях. Год назад он сфотографировал десятиклассника. А тот после этого поступил в университет, да ещё совершил подвиг — спас тонувшую девочку. Отец девочки, капитан первого ранга, подарил ему кортик, а городская газета под рубрикой «Происшествия» поместила портрет героя, выполненный Поярковым.

Второй случай был ещё убедительнее. Однажды на школьном вечере семиклассница Ира Кожухова читала свои стихи. Поярков подошёл к сцене с фотоаппаратом. И все поняли: надо ждать событий! Так и случилось — не прошло и полгода, как на весь город по радио про-

звучали новые стихи Ирины Кожуховой!

Тут-то всё и началось! Отвергнутые Поярковым стали поговаривать о том, что дело вовсе не в их способностях, а в самом Пояркове — если сфотографирует, значит, к этому человеку обязательно должна прийти слава.

Поярков мечтал поскорее закончить школу и стать сотрудником знаменитого на весь мир журнала «Советский Союз». И, если судить по тому, насколько популярен был Поярков среди школьников, то можно с уверенностью сказать, что он был уже на полпути к своей мечте...

Лишь один человек — Шульгин — не обращал никакого внимания на всю эту шумиху вокруг доморощенного фотографа. Ему и в голову не приходило попросить Пояркова сделать его портрет. Только раз, наблюдая, как Поярков фотографировал кошку, сказал:

— Давай и меня рядом?

— А кто ты?

— Ейный брат, — сказал Шульгин и даже покраснел от восторга — не часто ему удавался юмор.

— Тогда вставай на четвереньки и делай хвост пистолетом, — сказал Поярков.

— Как хочешь. Потом на коленях упрасивать будешь — не соглашусь, — равнодушно сказал Шульгин и зевнул, заметив, что зевнула кошка...

И вот теперь трое друзей вспомнили об этом. Они прекрасно знали: Шульгина просто так не ухватишь. Но, к сво-

ему удивлению, вскоре поняли, что им совершенно нечего предложить. Достать билеты на хоккей — откажется. В кино — не пойдёт. Пригласить на выставку служебных собак — рассмеётся...

Задумались. Поярков и Зимичев ждали, какую идею подаст Достанко. Он готовил себя в дипломаты, собирался после школы поступать в Институт международных отношений и потому уже теперь пользовался некоторой привилегией в решении сложных «государственных» задач. Но Достанко растерянно молчал, что никак не соответствовало облику будущего деятеля... И всё же, вероятно, в нём всё-таки что-то было от дипломата. Потому что первое, что он сделал, это задал вопрос:

— В чём же тут причина? Вроде бы всё интересно, а ему безразлично?

— А в том, что и хоккей, и все на свете выставки он мо-

жет посетить и без нас, — сказал Поярков.

— Правильно, Юра. В лучшем случае, мы ему наладим связь с окружающим миром. Но не с нами. А нужно...

— А нужно что-нибудь такое, что бросило бы его к нам в объятия.

— Правильно, Юра. Но ты учти, что времени у нас очень мало. Витковская слов на ветер не бросает и займётся им всерьёз. Она может затащить Серого в ансамбль.

— Ну, Колька, сказал! — усмехнулся Зимичев. — Такую жердину...

— Постой, Женя. Сопернику лучше переоценить,— перебил Достанко.

— Но ведь у нас тоже кое-что есть,— не выдержал Поярков.— Что, если я дам Шульгину фотоаппарат и предложу щёлкнуть какого-нибудь знаменитого спортсмена? Затем опубликую этот портрет в какой-нибудь газете, а под портретом будет стоять фамилия автора — «С. Шульгин»?

— Долго всё это... Тут нужна авантюра! Кажется, я знаю, что делать! Предлагаю операцию под условным названием «Кактусы»...

— Опять кактусы,— протянул Поярков.— Если ты коллессионируешь, думаешь, и его втянешь?

— Эх, был бы мотоцикл!— вздохнул Зимичев.— Посадил бы этого Шульгина и как рванул!..

— А по-моему, с ним для начала нужно просто потолковать,— сказал Поярков.— А там и пойдёт само собой...

Они ещё долго разговаривали в том же духе, пока не расстались. И всё-таки решение было принято: прежде всего нужно вызвать Шульгина на разговор.

Игра жизни

Серёжа Шульгин жил с родителями. Его папа — мастер производственного обучения в железнодорожном ПТУ, а мама — закройщица дамского ателье. Никаких претензий к сыну они не предъявляли, считая, что их Серёжа ничем не

хуже остальных мальчиков. А в чём-то даже лучше: успешно учится, в подворотне не стоит, не курит, не таскает мелочь из карманов — в общем, тихий, добрый парень. Правда, любит поспать. Но они объясняли это тем, что сын быстро растёт, а значит, его хрупкий организм требует больше отдыха.

До последнего времени в семье жил ещё один человек — сестра Тоня. Шульгин любил сестру. И знал, что сестра тоже любит его. Тоня в глаза говорила ему, что он лентяй и что такие, как он, живут триста лет, будто черепахи. Тоня училась в университете на пятом курсе, была девушкой начитанной, и уж если говорила, то попадала не в бровь, а в глаз.

Но брат не прислушивался к серьёзным и важным словам, которые она говорила. Улыбался, молчаливо разглядывая какой-нибудь предмет — например, пепельницу.

— Да что ты всё улыбаешься, будто Герасим из «Муму»?.. Хотя нет, до Герасима тебе далеко.

— Почему?

— Потому что Герасим, в отличие от тебя,— красивый человек. Он живой и потому красивый.

— Почему?

— Потому что ты вахлак. Ведь стыдно сказать — за всю жизнь ни разу не был в театре! Вскоре Тоня вышла замуж за бородатого художника Витю, и теперь они жили отдельно.

Ещё в квартире Шульгиных жил сосед Анатолий Дмитрие-

вич — пожилой, молчаливый и покладистый. После замужества сестры Шульгин стал чаще заходить к нему в комнату, чтобы молча выпить чашку чая и так же молча посидеть перед клеткой со щеглом Орлом и щеглихой Решкой. Сосед смотрел телевизор и не пытался заговорить. Работал он проводником в поездах дальнего следования, подолгу не бывал дома, а по возвращении — всё молчал. Будто и не ездил никуда и ничего не видел, а всё это время просидел в тёмном погребке.

Иногда летом, во время отпусков, собирал рюкзак и отправлялся путешествовать по свету. «Жизнь проходит, Серёжа, — говорил он. — Надо воздухом надышаться, соловьёв послушать — я же в прошлом сельский житель. А там и — в рай. В раю-то небось соловьёв нет?» Другой на месте Шульгина стал бы просить Анатолия Дмитриевича взять его с собой. Но не таков был Шульгин. Если светило солнце и голубело небо, он говорил: «Жарко, поди, туристам придется, ещё солнечный удар хватит...» А если моросил дождь, Шульгин хмурился, обнимал себя за плечи и вздыхал: «Холодно, поди, простудиться можно...»

Из походов сосед возвращался не отдохнувшим, а наоборот, усталым, полубольным и будто потерявшим что-то важное. Он надолго запирался в комнате, никого не хотел видеть, и, казалось, что уж в следующий-то раз задумается,

стоит ли с его слабым здоровьем отправляться на край света за соловьиными песнями. Однако наступала весна, и сосед оживал. Он снова готовился в дорогу: стирал и сушил на кухне потёртый рюкзак, подшивал суровой ниткой ремни и лямки и весело поглядывал на Серёжу. Как-то сказал:

— Больше ходишь — дольше ходишь. Такова игра жизни... Хочешь, вместе пойдём?

— Доживём до лета — видно будет, — сказал Шульгин. — Хотя мне и дома хорошо...

Пристально смотрел в спину

Однажды, вернувшись из школы, Шульгин увидел соседа в кладовке. Тот доставал из деревянного ящика рюкзак. И вдруг что-то выпало из рук Анатолия Дмитриевича. Выскользнуло из марлевой тряпки, грохнулось на пол, и Шульгин увидел пистолет. Чёрная матовая рукоять, короткое дуло с тёмным отверстием — всё, как у настоящего.

— Что это? — спросил Шульгин, наклоняясь к оружию.

— Не трожь, — властно сказал Анатолий Дмитриевич и быстро поднял пистолет. Сунул в рюкзак и, взглянув на Шульгина, засмеялся:

— Понимаешь ли, знакомый охранник дал посмотреть. Говорит, патрон заедает... Они там в тир у себя ходят, вот и неудобство получается. А я когда-то работал на оружейном заводе, кое-что соображаю... Может, исправлю. Но ты, Серёжа, никому не говори,

понял? А то, если узнают, что охранник не в мастерскую сдал, а мне передоверил, ругать будут — с этим строго.

— Мне-то что? — сказал Шульгин. — Хотя забавная штукация...

Зазвонил телефон. Он снял трубку.

— Кто у телефона? — спросили в трубке.

— А ты кто? — вопросом на вопрос ответил Шульгин, хотя по голосу узнал Достанко.

— Наполеон Бонапарт, —

скромно ответил тот. — Со мной ещё два Наполеона. Решили объявить тебе войну, а потому подходи к гастроному.

— Со слабаками не воюю.

— Хм-кхм, — покашляла трубка. — Придёшь?

— Не могу, — сказал Шульгин. — Пока никого нет, вздремнуть хочется.

— Ненадолго, Серый, будь другом. Нам тут без тебя не обойтись.

Шульгин поморщился, представив холодную зимнюю ули-

цу, мокрые хлопья снега и сырые ботинки, но собрал всю свою волю и сказал:

— Хорошо, буду.

Троекратно зевнул и направился к вешалке. Он не видел, как ему в спину пристально смотрел сосед.

Герой дня

Ожидая Шульгина, они стояли у гастронома и по очереди ходили смотреть, не идёт ли он. Притоптывая от вечернего морозца, вели неторопливую беседу.

— Шульгин придёт, а что мы ему скажем?— спросил Поярков.

— Что-нибудь придумаем,— сказал Достанко. — Важно, чтобы он пришёл, а там — по обстоятельствам.

— Много ты, Зима, уже денег на мотоцикл накопил?— спросил Поярков.

— Э-э... одиннадцать рублей. И это лишь за полгода!

— Ну, рекордсмен! Через пятнадцать лет ты действительно купишь «макаку».

— Ничего, скоро брат демобилизуется. Работать пойдёт, так что вместе купим. А эти, что накопил, может, ему на Первомай пошлю, ему там нужнее.

— Послушай, Зима,— перебил его Достанко,— зачем тебе мотоцикл? Ты ведь после восьмого класса идёшь в автомобильное ПТУ. А там не только права, но и собственный самосвал выдадут!

— Тебе этого не понять,— сказал Зимичев. Он смотрел на громадную остроконечную сосульку, торчавшую из-под крыши пятиэтажного дома.

— Ого! Такая грохнет на голову — без привычки не устоишь,— сказал Поярков.

— А если плашмя, то и двоих уложить может,— подтвердил Зимичев. — Но она в стороне от тротуара, над крышей соседнего дома.

— Снег теперь на крыше замёрз, она может запросто съехать по нему на тротуар... Тихо, на горизонте — Серый! — прошептал Поярков.

(Продолжение следует)

В ДОЗОРЕ

ВАСИЛИЙ ШЕЛГУНОВ вместе с Петром Бакулинским неторопливо прогуливался возле школы. Старая, облупленная, она давно полиняла под частыми питерскими дождями. В стены её намертво въелся тускло-серый налёт сажи из труб окрестных заводов.

Но всё же школа выделялась среди приземистых, кособоких деревянных домишек, уныло тянувшихся вдоль улицы. Хибарки были такие неказистые, словно это деревня какая-то, а не Санкт-Петербург — столица, краса и гордость Российской империи.

Стемнело. Приковылял фонарщик с короткой лёгкой лестничкой на плече, приставил её к фонарному столбу и зажгёт лампу. Фонарь торчал возле самой школы. Один-единственный, метров на двести вокруг. Свет он излучал слабенький, тусклый. Но всё-таки фонарь был очень кстати. А то тут грязь такая непролазная... Одно спасенье — возле домов проложены узенькие, скрипучие деревянные мостки. Вроде тротуаров. Улицы ведь немощёные, по ним ни пройти, ни проехать.

Василий Шелгунов вместе с Петром прохаживались возле школы уже с полчаса. Шелгунов был рослый, широкий в плечах. Рядом с ним коренастый Бакулинский казался коротышкой.

— Слушай, Вась. Правда это иль сказка? — вдруг спросил Пётр. — Говорят, ты одну школу уже одолел. А теперь — к нам наладился...

Шелгунов кивнул.

— А зачем? — не отставал Пётр.

Шелгунов усмехнулся.

— А ты разве не чуешь? Эта школа — не чета другим. Совсем особая. Тут учителя, брат, такие... — Он прищёлкнул пальцами, подыскивая нужное слово. — Ну, в общем, необыкновенные учителя. Чуешь?

Пётр кивнул.

Василий посмотрел на окна. Вон три крайних — их класс. Изю всех трёх окон сочился слабый свет. «Туманные картинки показывают», — догадался Шелгунов. Учительница, госпожа Крупская, предупредила: нынче будет рассказ про заморский город Стокгольм. Шелгунову нравилась эта учительница. Совсем ещё молодая — даже моложе его самого, а умная какая! И учёная. И, главное, — храбрая! Шелгунов усмехнулся, вспомнив, как первый раз пришёл на урок к госпоже Крупской.

Надежда Константиновна — в чёрном платье с длинными рукавами и высоким, наглухо застёгнутым воротничком — стояла у доски. За партами сидели ученики — рабочие с соседних заводов. Бородатые, усаые. Многие куда старше учительницы.

— ...Слабый крохотный муравей ползёт по лесной тропинке, — рассказывала Крупская. — Кто хочет, может его раздавить. Но муравьи всё делают сообща. И поэтому никакой труд им не страшен. И никакой враг перед ними не устоит.

Крупская на секунду умолкла, шагнула от доски ближе к партам и понизила голос:

— Каждый сознательный рабочий должен это усвоить. В одиночку он — раб, хилый и немощный. А все сообща пролетарии могут переделать мир. Никакие преграды тогда им не страшны.

Ученики переглянулись. «Вот тебе и учительша! — подумал Шелгунов. — Смелая какая!» А урок шёл дальше. Крупская рассказывала о добыче каменного угля.

— В шахте с утра до вечера гнут спины сотни рабочих. В сырых тёмных забоях добывают они уголь. Полуголые, грязные, измождённые, обливаются потом. И зарабатывают в месяц рублей по двадцать, не больше. А хозяин шахты, холёный и сытый, живёт в столице, в роскоши, никогда под землю не спускается. Он продаёт этот уголь, добытый каторжным трудом шахтёров, и загребаёт в месяц по сорок тысяч. Разве это справедливо?

— Верно! — с жаром откликнулся кто-то из учеников.

— И у нас хозяин тоже дармоед! Гладкий да хитрый! — подержал клепальщик Ефимчук, худой, сутулый.

Этого Ефимчука Шелгунов хорошо запомнил. Однажды на уроке Крупская сказала, что Земля вертится вокруг Солнца.

— Не-е-е! Не может того быть! — возразил Ефимчук. — Неужто же и я верчусь?! Не-е-е, враки!

Надежда Константиновна терпеливо объяснила, что Земля — круглая, что она всё время движется. Кажется, Ефимчук вроде бы понял, согласился. А потом вдруг говорит:

— Ежели Земля круглый шар, значит, на той стороне... ну, где-нибудь там в Америке... люди ходят головами вниз? Как же они не падают? Не-е-е, враки!

И, сколько ему ни втолковывали, стоял на своём. Шелгунов улыбнулся. Да, уроки Крупской врубались ему в память намертво.

Василий продолжал вместе с Петром бродить возле школы. Походят, постоят, опять походят...

Нынче они были «в дозоре». Это придумали сами ученики. Они заметили: на уроки Крупской что-то слишком часто повадился ходить инспектор народных школ — высокий строгий старик с золотым пенсне на тонком хрящеватом носу, с прямой, как у офицера, спиной и длинными, тонкими ногами. Не заподозрил ли чего худого этот дотошный инспектор? Когда этот «пенсне» на уроке — всё ясно. Учительница настороже, никаких вольных слов.

Но самое опасное, когда в классе-то его нет, а, может быть, стоит он тихонечко в коридоре и подслушивает?.. Вот потому-то и придумали ученики «дозоры», чтобы своей любимой учительнице помочь.

Василию Шелгунову недавно уже довелось выручить из беды Надежду Константиновну. Был урок литературы. Крупская знакомила учеников со стихами Некрасова и Минаева — о трудовом люде, об их мытарствах. У Василия память цепкая, он с ходу запомнил тогда несколько четверостиший. И, выйдя после занятий на притихшую вечернюю улицу, шёпотом повторил понравившиеся ему строчки:

*Труд от зари до зари,
Бедность — что дальше, то хуже...*

Шелгунов осекся. Он заметил в подворотне соседнего дома какого-то господина в тёмном полупальто и надвинутом на лоб картузе. Тот рыскал глазами, обшаривая всех выходявших из школы.

«Неужто шпик?» — мелькнуло у Шелгунова.

Показалась Надежда Константиновна. Она шла по Шлиссельбургскому тракту к остановке конки. «Картуз» тотчас двинулся вслед за учительницей. Конечно, филёр! Встревоженный Шелгунов устремился за шпиком. Надежда Константиновна почти сразу заметила слежку. Она ускорила шаги. Но и «Картуз» не отставал. Надежда Константиновна ещё прибавила шагу. Но и «Картуз» тоже нажал.

«Нет,— решил Шелгунов.— Не выйдет, друг любезный!» Он обогнал шпика и внезапно, широко раскинув руки, преградил ему дорогу. Шпик остановился. А Василий вдруг запел «пьяным» голосом: «Ах ты, сукин сын, камаринский мужик...» Шпик гневно рявкнул:

— Пшёл вон!

Но Шелгунов словно не слышал. Неуклюже размахивая руками, он пытался сплясать «камаринскую». Чтобы обойти неожиданное препятствие, «Картуз» ринулся вправо, но Василий с пьяной настойчивостью последовал за ним. Шпик рванулся влево, но и Шелгунов качнулся туда же.

— Гос-подин хор-роший, доз-вольте зак-курить! — пьяно пробормотал Василий.

«Картуз» поспешно сунул ему папироску.

— Мерси! — галантно сказал Шелгунов.

Поднёс папиросу ко рту, но вдруг неловко дёрнул рукой и папираса упала на землю.

— Вот раззява! — выругал он сам себя. И опять пристал: — Доз-вольте зак-курить!

Пытаясь скорей отвязаться от пьяницы, шпик торопливо протянул ему вторую папиросу. Шелгунов снова долго старался сунуть её в рот, и снова неудачно. И вторая папироса оказалась на земле.

— Ну, что ж ты, братец,— с досадой прошипел шпик.— Экой ты неловкий!

Он видел: Крупская уже подошла к остановке. Подъехала конка, и учительница поспешно поднялась в вагончик. Шелгунов оглянулся и тоже увидел убегавший по рельсам вагон.

— Ну вот.— Он грозно надвинулся на шпика. И вдруг совсем трезвым голосом добавил: — А ты, мерзавец, забудь дорогу сюда. Понял?

Шпик остоленело глядел на него. Он всё ещё не мог сообразить, как этот пьяный верзила мгновенно отрезвел.

— Понял? — повторил Шелгунов и взял шпика «за грудки».

Шпик торопливо кивнул. Он облизнул вмиг пересохшие губы и теперь мечтал лишь об одном: хоть как-нибудь вырваться из рук этого здорового парня.

— Ну, молодец, понятливый,— насмешливо прогудел Шелгунов и оттолкнул шпика.

...ИЗРЕДКА ПЕРЕГОВАРИВАЯСЬ, Шелгунов и Бакулинский продолжали «патрулировать».

— Нет, инспектор, кажись, не придёт,— прислушиваясь и вглядываясь в темноту, сказал Пётр.— Нынче грязница уж больно страшная...

— Пожалуй,— согласился Василий.— Свои лакированные штиблеты пожалеет.

Стояла дождливая петербургская осень, вечер был прохладный, ветреный. Поблизости остановилась пролётка. Из неё вылез какой-то толстяк в котелке и в перчатках. В руке он держал трость с серебряным набалдашником. Осторожно ступая, толстяк приблизился к Шелгунову и Бакулинскому.

— Братцы! — произнёс господин неожиданно тонким голосом.— Проводите-ка меня в школу!

«Дозорные» насторожились.

— А кто вы будете? — спросил Шелгунов.

— Старший конторщик! — представился толстяк.— Господин фабрикант Антон Евлампиевич Черепанов, который как меценат и ваш благодетель делает пожертвования для школы, повелели узнать, чему учат мастеровых на его денежки...

— Беги в класс,— шепнул Василий Бакулинскому.— Предупреди!

Пётр сразу скрылся. Толстяк уставился на Шелгунова. «Ну и могуч парень. Силушки у такого — на двоих хватит. Одно слово — богатырь!» А вслух сказал:

— Небось, братец, такими ручищами пудов десять подыметь? Шелгунов улыбнулся.

— Ежели надобно будет.

— Вот что, братец. Имеются основания полагать, что ваша учительница... э-э... в смысле благонадёжности...— Толстяк осекся, как видно спохватившись, что преждевременно раскрывает карты.— Скажи-ка, братец... Учат ли вас почитать господина фабриканта?

— Оно так-то. Оно, конечно,— придурковато начал Шелгунов.— Но... других велят почитать поболее...

— Что?! — насторожился толстяк.— Поболее господина фабриканта?

— Царя-батюшку! — отчеканил Шелгунов. Он почесал затылок.— Однако же... Кой-кого велят почитать ещё поболее...

— Поболе самого государя императора?! — удивился старший конторщик.

— Господа бога!

Ответ Шелгунова понравился толстяку.

— Чудненько! Чудненько!

— Следуйте за мной, ваше благородие. Только осторожно. Здесь так склизко. Не дай бог упадёте. Недолго и ногу сломать.

Они прошли вдоль дома, свернули во двор. Рослый, огромный Шелгунов старался идти медленно. Над каждым шагом он долго раздумывал, словно взвешивал: куда лучше поставить ногу? Сюда? Или туда? Где местечко посуше?

В классе было полутемно. В углу мерцала лампадка, освещающая большую позолоченную икону. Крупская показывала ученикам «туманные картины». Про Швецию. С помощью лампы и нехитрого устройства на белую стену проектировались изображения.

— Вот это — город Стокгольм, столица Швеции,— сказала Надежда Константиновна и сменила пластинку на подставке.— Видите, какой большой и красивый город?

— Вот это — центр Стокгольма.— На белой стене появилась другая картинка.— Смотрите, какой великолепный дворец. А это — старинная ратуша. А вот — окраина Стокгольма,— сказала Крупская и снова сменила картинку.— Видите, какие лачуги? Хибарки-развалюхи. Грязь непролазная.

После небольшой паузы учительница добавила:

— Так везде. В любом столичном городе — два города. Два Парижа, два Лондона, два Петербурга. Один — нарядный, город богачей, другой — неказистый, город бедняков. Смотрите, как окра-

ины Стокгольма похожи на нашу Невскую заставу. Те же покосившиеся домишки, та же грязь...

— Точно! — воскликнул кто-то. — И даже трактир ну совсем как наш!

В полутёмном классе послышался смех.

Вдруг в коридоре загромыхали чьи-то быстрые шаги. В класс влетел запыхавшийся Пётр.

— От фабриканта... Проверяльщик! — торопливо выдохнул он.

— Ну, что ж, проверяльщик — так проверяльщик! — сказала Надежда Константиновна. — И не такое в нашей жизни бывало.

В классе снова засмеялись.

Крупская взяла пачку картинок, приготовленных для показа, быстро просмотрела их и рассортировала на две стопки. Одну убрала в портфель, вторую оставила на столе.

— Продолжим урок. — Она постучала согнутым пальцем по столу, призывая к тишине. — Итак, город Стокгольм...

На белой стене появилось очередное изображение. Вскоре дверь отворилась, и в класс вкатился толстый господин. За его спиной высился Шелгунов. Толстяк представился.

— Дозвольте присутствовать?

— Пожалуйста, — кивнула Крупская.

Толстяк в полутьме опустился на заскрипевший под его тяжестью стул. Шелгунов с трудом уместился неподалёку за маленькой тесной партой и покосился на незваного гостя. У толстяка были розовые, тугие, как крутые яйца, щёки, а длинный нос упирался в круглый пухлый рот, как восклицательный знак в точку.

«Ну и пузатый! — усмехнулся Василий. — Без зеркала собственные ноги ему не разглядеть...»

Учительница продолжала показывать «туманные картины».

— Вот старинное здание в Гётеборге... А вот знаменитый собор в Упсале. А вот это — фиорды...

— Стокгольм — чудный город, — раздался тоненький тенорок «проверяльщика». — Я там бывал. Однако наш Санкт-Петербург — премного величественней...

Крупская продолжала показывать картинки. Через несколько минут Шелгунов заметил, как голова «проверяльщика» опустилась. Ниже... ещё ниже... «Заснул? — подумал Шелгунов. — А может, нарочно? Прикидывается?» А что?! Очень даже возможно! Хочет послушать, что будет говорить учительница, когда он «спит».

Шелгунов тихонько привстал. В полутьме показал рукой на проверяльщика. Крупская кивнула — вижу, мол, спит. Но Шелгунов покачал головой. Взял бумажку, свернул её трубочкой. И осторожно коснулся носа конторщика. Тот, оттопырив пухлые губы, шумно дунул: наверно, хотел отогнать навязчивую муху. Шелгунов снова пощекотал его нос бумажкой. И толстяк снова шумно отфыркнулся и вяло махнул рукой.

— Господин конторщик! — Шелгунов решительно потряс толстяка за плечи. — Проснитесь, господин любезный...

— А-а! — Конторщик сконфуженно разлепил веки, потянулся.

— Ох, не бережёте вы своё драгоценное здоровьице, — заботливо сказал Шелгунов, — перетрудились за день. Разве можно?! Этак и захворать недолго. Домой вам пора. Баиньки.

— Верно, братец. Пожалуй, и впрямь пора, — согласился конторщик.

— Дозвольте проводить? — Шелгунов встал из-за парты. —

Учитель математики

МНОГО ЛЕТ прошло с тех пор. Многое забылось. Но Николая Васильевича Семёнова — школьного учителя математики — я запомнил так, будто видел только вчера. Коренастый, седой, какой-то весь крестьянского мешковатого вида, крепкий, с большими пальцами натруженных рук и удивительно голубоглазый. Таким увидел я его впервые, таким запомнил на всю жизнь.

Знакомство с ним началось неожиданно. Перевёлся в другой город прежний преподаватель математики. Мы его... ну, можно считать, что любили, хотя и обманывали напропалую. Был он добрым и немного рассеянным. Мог дважды объяснить одно и то же, если мы дружно объявляли, что на прежнем уроке этого ещё не проходили. Двойки он не ставил, как-то стеснялся ставить. Выяснив с очевидностью, что ученик урока не знает, он смущённо просил его непременно выучить к следующему разу и в следующий

раз спрашивал именно тот материал. И после удовлетворительного ответа торжественно и с удовольствием выставлял в классном журнале четвёрку. И каждый раз извинялся, что не поставил пятёрку, что со второго раза пятёрку ставить не может, так как это всё же второй раз...

Словом, перевёлся он в другой город и исчез из нашей жизни. И вдруг мы узнаём, что к нам назначен Семёнов, о котором в школе ходил слух, что он — зверь!

— Сегодня, — начал он урок, — мы будем проходить равнобедренные треугольники. Понятие равнобедренности и доказательство продемонстрирует нам у доски... — Он наугад ткнул крепким пальцем в список и поднял на нас глаза: — Курочкин.

У Курочкина от неожиданности выпучились глаза. Он встал, поперхнулся и разом потерял дар речи. Минуту он стоял, краснея и надуваясь, как шар, перед тем, как лопнуть.

— А нам ещё не объясняли! — наконец фальцетом крикнул он.

— Я знаю, — спокойно согласился Семёнов. — Ну и что?

— Как что? — возмутился Курочкин. — Раз не объясняли, значит, я не знаю!

— Садись, — просто согласился Семёнов, — двойка.

В классе стало так тихо, что через форточку мы услышали, как на лёгком осеннем ветерке шумит недалёкий сосновый лесок.

Семёнов снова ткнул пальцем в список.

— Объяснять нам будет...

В тот день журнал украсился четырнадцатью двойками.

На следующий день директора школы осаждали возмущённые родители. Но начался очередной урок математики, и мы, к ужасу своему, узнали, что сегодня будем проходить не прежнюю, а следующую тему.

— Доказывать пойдёт...

Семёновский палец повис над нашим списком...

НЕ ЗНАЮ, правильно ли всё это было с точки зрения педагогической науки, но вначале это привело к тому, что благополучный до того наш класс стал не просто отстающим, а поголовно двоечным, отчего мы — деваться было некуда! — принялись лихорадочно читать учебник наперёд и к концу полугодия двойки сумели кое-как выправить, а уже экзамены за год сдали без единой тройки. Годы спустя почти все мы блестяще сдали экзамены в технические институты.

Много позже мы разобрались, в чём дело. Николай Васильевич научил нас самостоятельно работать. Одного этого было достаточно, чтобы быть благодарным учителю на всю жизнь.

Но он удивил нас ещё раз.

— СЕГОДНЯ, — начал очередной урок Николай Васильевич, — мы попытаемся решить... ну, скажем так — географическую задачу. Определим расстояние от нашей школы до пустыни Сахары. — Он посмотрел на нас серьёзно и немного печально. — Только не в километрах, а в сантиметрах.

— Почему в сантиметрах? — крикнули из класса.

— Сами догадаетесь. Задача географическая. Следовательно, наглядная.

А надо сказать, что географию у нас в классе недолюбливали. У меня лично неприязнь к предмету началась с того дня, когда учительница принесла на урок проектор с диапозитивами о пустыне Сахаре. На

ярком цветном экране в затемнённом классе мелькали отвратительные морды ящериц, разинутые пасти змей с раздвоенными жалами, мохнатые лапы пауков, панцири жуков-скарабеев и прочая нечисть.

— А в очень древние времена,— пояснила учительница,— это была цветущая плодородная страна. Но скотоводство погубило растительность, почва оскудела, и пришли пески. Теперь это практически необитаемая часть суши.

Откуда пришли эти злополучные пески, она не сказала. А мы не спросили. Нас это касалось мало. Кругом бушевали глухие леса. До ближайших песков, судя по учебнику географии, были тысячи километров. Они были далёкими, эти пески. А вот лес свой мы знали хорошо. Были тому причиной и грибы, и ягоды, и лесные походы. Но больше всего — близость его к школе. Через луг перемахнуть — и вот он, лес!

После уроков мы никогда не торопились домой. Бежали в лес. Там, на большой поляне, сваливали в кучу портфели и сумки и предавались разбойничьим играм. Лазили по деревьям, кидались сосновыми шишками, сшибали палками гроздь спелой рябины, срезали на дротики поросль прямостоящего ольшаника и состязались в точности и дальности метания.

Однажды кто-то придумал новую затею. Называлась она «парашют». Нужно было выбрать молодое деревце, забраться на него повыше и схватиться за вершинку руками. Тонкий ствол тут же сгибался под тяжестью тела и плавно опускал тебя на землю. Ощущение парения на парашюте было полным и восторженным. Спуски эти мы продолжали до темноты...

С того дня в лесу беспрерывно раздавался треск ломаемых берёзок, ольшинок и топольков. В поисках нетронутых деревьев мы всё дальше и дальше разбредались по опушке.

— НЕПРЕМЕННО в сантиметрах! — повторил Николай Васильевич. Далее он повёл себя странно. Вместо того чтобы вызвать кого-то из нас к доске, он вывел класс во двор, раздал приготовленные заранее лопаты и зашагал к лесу. Мы цепочкой поторопились за ним.

Стояло прозрачное утро. Почва влажно пружинила под ногами. Далеко в лесу металлическими голосами кричали галки. Николай Васильевич завёл нас в сосняк и выстроил цепью.

— Идите вперёд, — приказал он, — и через каждые десять шагов копайте на глубину штыка. Идите до тех пор, пока не решите задачу.

Мы весело навалились на лопаты. От нашего дыхания шёл пар...

ВЕРНУЛИСЬ мы скоро.

Смущённые, сгрудились вокруг Николая Васильевича и, опираясь на лопаты, пришибленно молчали. Почти в каждой из вырытых ямок, под тонким слоем перегнившего хвостого настила светился мокрый песок. Он был тут, под ногами, в каких-то двадцати сантиметрах от наших ног. Вот каким коротким оказалось расстояние до пустыни!..

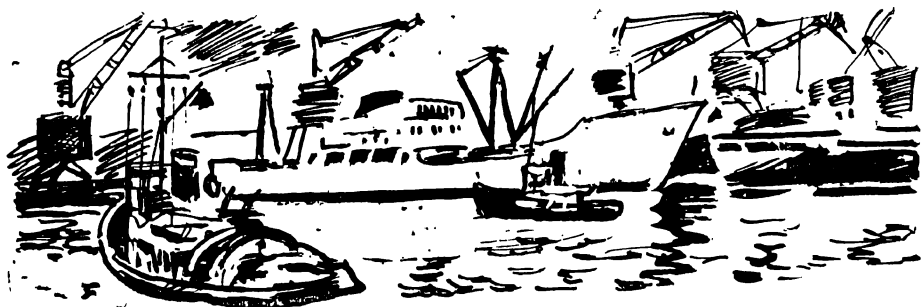
Я до сих пор благодарен Николаю Васильевичу, что он ни слова не сказал нам. Просто дождался, когда последний из нас подойдёт, встал, отряхнул брюки и пошёл к школе.

Не знаю, откуда узнал он про наши «парашюты». Сам ли случайно увидел или услышал от кого, не в том суть. Важно, что и этот вопрос он решил как-то по-своему...

Вот уже много лет, как я, с легкой руки Николая Васильевича, стал инженером. Всё своё время отдаю технике, изобретаю, пишу статьи по вопросам механики, но с того самого дня, как вывел он нас на урок математики в лес, каждая бездумно сломанная ветка отдаётся во мне болью, будто кто у меня самого отламывает ребро.

Рис. Януса

ДВА ЗЕЛЁНЫХ ФЛАГА

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «КИРПИЧЕ»

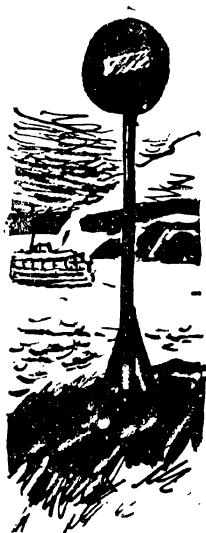
Начать можно было бы с истории. С того, как Ефим Никонов — крестьянин из подмосковного села Покровское — изобрёл «потаённое судно». Предназначалось таковое для подъёма затонувших кораблей. Беспокойная душа и смекалистая голова были у этого Ефима Никонова. В 1719 году он предложил идею создания скафандра. Прекрасная идея, но осуществлена она была лишь 120 лет спустя... Так можно было бы начать этот очерк. Но можно начать и с самого-самого сегодняшнего дня.

Плыть по реке на теплоходе кому не доводилось. А вот кто обращал внимание на круглые красные щиты с белой горизонтальной полосой? Они крепятся высоко по обоим берегам реки и хорошо видны издали. Теперь представьте себе водителя автомобиля, который на улице наткнулся на такой знак. Надо полагать, водитель поморщится, пробурчит с досадой:

— Вот тебе раз! «Кирпич» повесили...

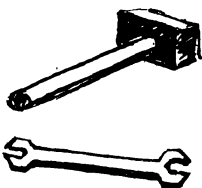
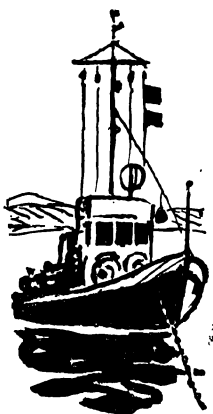
И ничего ему не остаётся, как повернуть назад, поискать другой путь. Раз уж проезд запрещён.

На реке же этот знак говорит спешащим судам: «Двигайте дальше, не сбавляя хода. Предупреждаю: не вздумайте остановиться, бросить якорь!» Когда судно поравняется с красным щитом, под его килем, на дне реки, будет лежать или кабель или дюкер, то есть трубопровод. «Якоря не бросать».

СОЛОВЬЁВ МЕНЯЕТ РЕШЕНИЕ

Демобилизовавшись, Соловьёв решил вернуться на свой Механический завод. Пришёл. Взглянул на заводскую доску Почёта — незнакомые лица. А ведь когда-то и его фотография висела здесь. «Открасовался», — подумал он.

Но на заводе Соловьёва помнили. Помнили ещё мальчишкой, Юркой,—учеником электромонтёра. Потому и теперь встретили радушно. Стали потопрапливать:

— Давай, давай, Юра, в отдел кадров! Оформляйся.

— Электрики позарез нужны.

— Ладно. Приду,— решил Соловьёв.— Дух вот только переведу. Отдохну малость.

Отчего бы человеку после четырёх с лишним лет воинской службы не позволить себе недельку-другую отдохнуть, побездельничать? В один из таких дней Соловьёв прогуливался по набережной Фонтанки. Впереди он увидел кучку зевак. Подошёл. Внизу, за парашютом, едва покачивался водолазный бот.

На палубе люди. Заняты делом. Поверхность воды у кормы бота пузырилась. Работал водолаз.

С палубы бота подошедшего заметили. Да и трудно было бы не заметить такого. Здоровый, плотный, сильный. С бота крикнули:

— Эй, любознательный! Откуда такой?..

Ответ был полон достоинства и прозвучал не сразу.

— С Балтики...

— Морячок?

— С подплава.

— С подплава?! Не водолаз ли?..

— Он самый,— широко улыбнулся Соловьёв.

— Корешок, значит, будешь. А где сейчас работаешь?

— Пока вот нигде. Отдыхаю.

— Давай к нам.

— А куда это к вам?

— Контора наша—язык ломаешь. Первый ЭОПЭТЭЭР. Слышал?

— Что это такое?

— Первый экспедиционный отряд подводно-технических работ.

...На родной Механический завод Соловьёв пришёл. Но пришёл, чтобы извиниться:

— Так уж получилось...

ДЮКЕР У КОМАРОВСКОГО МОСТА

По улицам города бродит август. Тепло. Ветер лениво шевелит листьями деревьев. У Комаровского моста через Охту, упираясь носом в левый берег, стоит 108-й бот. На его борту разместилась 19-я водолазная станция. Руководит ею Юрий Павлович Соловьёв — старшина водолазной группы. Он и Валя Волков, совсем молодой, всего лишь второй год как в ЭОПТРе, готовят к спуску Петра Егоровича Царика. Юрий Павлович и Валя по пояс голые — стараются не упустить солнечный денёк.

Пётр Егорович сидит на кормовом рундуке, в котором обычно хранится водолазное снаряжение. Водолазная рубаша уже надета, на ногах — свинцовые «галоши». Юрий Павлович и Валя крепят «манишку». Манишка — это, по нашим представлениям, нечто лёгкое, матерчатое — и вдруг «крепить». Но иначе не скажешь. По той причине, что у 12-болтового скафандра водолаза она из металла и вместе со шлемом весит 22 килограмма.

Со стороны Пётр Егорович кажется сейчас неуклюжим рыцарем в зеленоватой броне. Видна лишь сидящая голова. У подбородка чистый лоскут материи с какими-то легкомысленными цветочками. Зачем? Чтобы не касаться лицом холодного металла. Материя впитает и скатившиеся капли пота. Обими руками Пётр Егорович придерживает на коленях «разноску». Это деревянный ящик, в котором плотники обычно носят топор, гвозди и складной деревянный метр. Юрий Павлович и Валя достают из «разноски» бронзовые накладные планки, барашковые гайки. Крепят «манишку».

Глухо постукивая, работает компрессор. Набирает запас воздуха в баллоны бота. Машинист Дмитрий Никитич Назымок готовит механизмы плавкрана. На понтоне, у напорного монитора, Константин Фёдорович Михайлов. В 1933 году юношей пришёл он в знаменитый ЭПРОН (экспедицию подводных работ особого назначения), созданную по инициативе Ф. Э. Дзержинского. В том же году Константин Фёдорович принимал участие в подъёме ледокола «Малыгин» у берегов Шпицбергена.

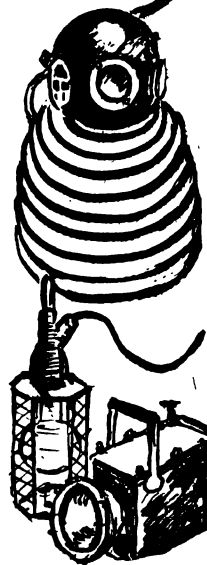
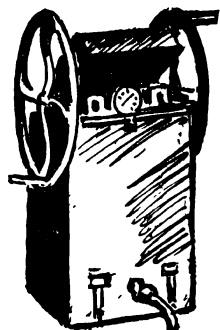
Всё готово к работе. Пётр Егорович, тяжело ступая, подходит к трапу. Поворачивается спиной к воде, спускается вниз на несколько ступенек. Помощники одевают на него 35-килограммовые «грузы». Последним надевается медный шлем. Теперь на Петре Егоровиче 80 килограммов снаряжения. Многовато. Но через минуту он уйдёт под воду и будет весить «сам со всеми причиндалами» не более 10 килограммов.

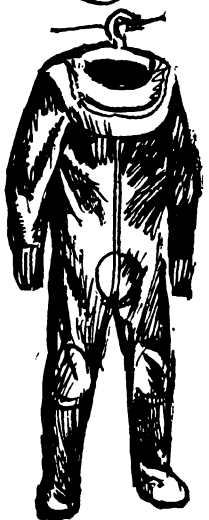
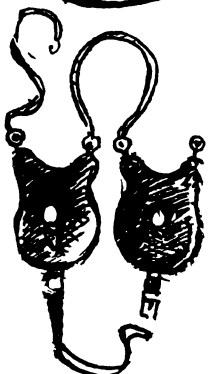
Юрий Павлович закрепляет стопорный барашек на затылке шлема, слегка ударяет по металлу рукой:

— Пошёл.

Водолаз скрывается под водой. Из глубины на поверхность с шипением поднимаются пузыри воздуха. На мачте бота два зелёных флага. Они колышутся на ноке реи и сигнализируют: «работает водолаз». Прочие суда, заметив этот сигнал, должны держаться подальше от водолазного бота. А проходя мимо, снижать ход до «малого».

Юрий Павлович сегодня страхующий. Сегодня под воду он не пойдёт. Его задача обеспечить работу товарища: поддерживать с ним связь, следить за

подачей воздуха, руководить самой работой. Третий водолаз сидит на корме у водолазного трапа, следит за шланг-сигналом. Пошёл Пётр Егорович в сторону — надо «потравить» шланги, приблизился к корме бота — «выбрать слабинку».

Что ж это за работа — там, под водой? Для водолазов, о которых я рассказываю, история, пожалуй, обычная. Прорвало дюкер. Плавкраном дюкер приподняли из донной траншеи. После обследования установили, что трубопровод чугунный, лежит на дне уже около пятидесяти лет. В нижней его части обнаружили отверстие — под напором воды вывалился большой кусок металла. Решили вырезать повреждённый участок дюкера и заменить его стальным, с болтовым соединением на фланцах. Вот что нужно было сделать.

Каковы условия работы? Приведу выписку из «Журнала учёта работы водолазной станции» за один из рабочих дней:

Место спуска	— Охта
Глубина, в м	— 5
Температура воды	— +17 градусов
Прозрачность воды	— нет
Течение, в м/мин	— 1,0

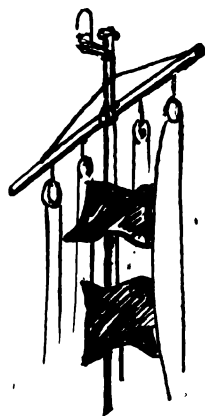
Глубина работ, как видите, не впечатляет. И температура воды подходящая и грунт вроде бы — песочек... Но надо помнить, что под водой у человека в скафандре даже в спокойном состоянии расход энергии в два раза выше, чем на поверхности. Связано это с быстрой переохлаждаемостью человеческого тела, необходимостью постоянно преодолевать силу течения.

Кроме того, водолазу надо обладать острым слухом и быстротой ориентации. Под водой предметы видятся ближе и несколько выше того, где они находятся на самом деле. Хорошо, если предметы видятся... В Охте видимости нет. Правда, на шлеме водолаза имеется электрический фонарь. Но о том, что ты подошёл к «рабочему месту», можно догадаться, как сказал Юрий Павлович, по звуку: когда этот фонарь стукнется о дюкер... Или на ощупь.

Человека в скафандре опасность подстерегает на каждом шагу. В вентилируемом скафандре постоянно 35—40 литров воздуха. Случись так, что ноги водолаза окажутся поднятыми чуть выше допустимого, воздух мгновенно переместится в штанины водолазной рубахи, раздует их и человека выбросит вверх с поднятыми ногами. Вытравил из скафандра чуть больше воздуха, может наступить «обжим». Когда давление воды станет больше давления воздуха в скафандре — человеческое тело окажется в мощных тисках толщи воды.

Казалось бы, ну что сложного в работе гаечным ключом! Но под водой она отличается от работы на поверхности. Мало того, что быстро затекают руки,— само усилие должно быть направлено только «от себя». Ноги при этом упираются в грунт. Основная нагрузка приходится на мышцы ног, а потом уже рук. В противном случае водолаз поднимет себя, то есть скорее всплывёт, чем завернёт гайку. Вспомним: водолаз под водой весит всего 5—10 килограммов.

Вот такие условия работы под водой.

ПРОДОЛЖЕНИЕ УРОКОВ ГЕОГРАФИИ

Юре было четыре года, когда началась война. Отца мобилизовали. Направили в один из военных лагерей под Ленинградом. У Юры сестрёнка, два года ей было тогда. Остались они оба на руках у матери. Представился случай, подхватила мать ребят, поехали повидаться с отцом. Встретились. Больше Юра отца не видел. Танкист Павел Соловьёв погиб в первый же год войны.

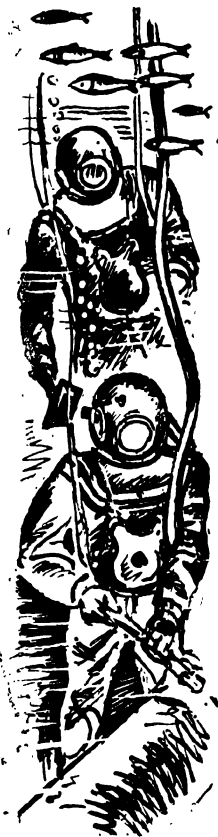
Семья эвакуировалась. В Ленинград вернулись в 44-м. Нельзя сказать, чтобы Юра особо отличался среди сверстников успеваемостью и прилежанием. Пожалуй, больше выделялся он своими мальчишечьими проделками, озорством. Только на уроках географии его трудно было узнать. Слушал, раскрыв рот. Любил географию. То ли сам предмет, то ли учителя, который умел заразить своей любовью к предмету.

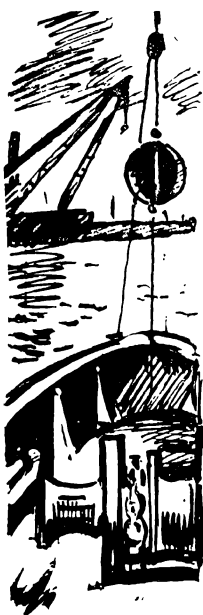
Окончив семь классов, Юра решил: пора помочь матери. Ведь он у неё не один. Юра устроился на Механический завод учеником электромонтёра. В армию он уходил электриком пятого разряда. Надо сказать, что к тому времени Соловьёв отличался завидной силой и здоровьем. Природа взяла своё. И трудно было поверить, что у такого крепыша дело с физкультурой когда-то не ладилось. Так или иначе, заключение комиссии было: годен в подплав. Больше того, направили учиться на водолаза. Курсы он закончил на «отлично».

За четыре с лишним года флотской службы Соловьёв принимал участие во многих судоподъёмах, в аварийно-спасательных и инженерных работах. Время, проведённое им под водой за эти годы, точно зафиксировано: 1761 час 09 минут.

Работа в 1-м ЭОПТРе для Соловьёва была как бы продолжением изучения любимого школьного предмета — географии. Только не у карты с указкой в руке, а в громоздком скафандре водолаза, по дну рек и озёр нашей Родины.

Два года в Омске. На Иртыше. Прокладка двух ниток дюкера через реку. Установка водозабора, строительство причальной стенки в порту. **Город**

Чебаркун под Миассом. Установка водозабора в озере Чебаркун. **Усть-Каменогорск, Иртыш.** Строительство причальной стенки. **Печора. Река Печора.** Строительство слипа для ремонта местных судов. **Архангельск.** Прокладка дюкера через реку Кузнечиху. **Нарьян-Мар.** Через озёра прокладывались кабели АТС и телевизионной системы «Орбита». **Сыктывкар.** Дюкер через реку Сысоха.

Перечисление городов, рек и озёр можно было бы продолжить, но стоит ли? Достаточно сказать, что всем этим рекам и озёрам было отдано шестнадцать лет жизни, сопряжённого с риском труда. Это десять месяцев, а точнее — 7399 часов, проведённые под водой водолазом первого класса Юрием Павловичем Соловьёвым.

РАЗГОВОР С ГЛАВНЫМ ВОДОЛАЗНЫМ СПЕЦИАЛИСТОМ

На Васильевском острове, у памятника казнённым декабристам, среди густой зелени деревьев стоит небольшое двухэтажное здание — «штаб» 1-го ЭОПТРа. Самых водолазов здесь можно встретить нечасто. Большинство из них в дальних командировках. Высокий, стройный человек с седыми, слегка вьющимися волосами, Георгий Алексеевич Гудков, — главный водолазный специалист. В прошлом сам водолаз. За плечами двадцать восемь лет работы под водой. Начинал в 43-м. Досталось войны и на его долю.

Говорим о Соловьёве:

— Ну что вам сказать?... Хороший водолаз. Настоящий... — Задумчиво помолчав, Георгий Алексеевич добавил: — И товарищ надёжный. Да ведь и как у нас без этого?... Ты на поверхности, товарищ — на глубине. Случиться может так, что только на тебя и надежда...

Вспоминается мне весна прошлого года, — продолжал Георгий Алексеевич наш разговор. — Устанавливали водозаборный оголовок на Неве. Я как раз этой работой руководил. Делали мы её для Центральной насосной станции.

— Простите, а что такое оголовок?

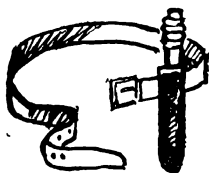
— По сути дела это оконечность трубы. Через неё и засасывают воду. Оголовок надо было уложить на дно и соединить с основной трубой. Соединение фланцевое. На тридцать два болта.

— А глубина?

— Глубина? Двадцать один метр.

— Для водолазов это уже категория средних глубин?

— Да, средних. При этом не забывайте о течении. Так вот. Выполнили работу двое. Соловьёв и Македонский, тоже очень опытный водолаз. Обычно на такие дела уходят недели, а они справились

в течение одной рабочей смены. Прямо скажем, рекордный срок! Поверьте, совместить тридцатимиллиметровые отверстия фланцев на глубине очень и очень не просто. Тут кроме опыта и умения нужна смекалка.

— Есть она у Юрия Павловича?..

— Есть. Что говорить, мы благодарностей зря не даём. У Соловьёва их в трудовой книжке более тридцати. А не так давно Министерство речного флота наградило его нагрудным знаком «Победитель социалистического соревнования».

В НЕВСКУЮ ДУБРОВКУ

На дне Невы, в районе Невской Дубровки, пробило высоковольтный кабель. Поступило распоряжение: водолазную станцию Соловьёва направить к месту аварии.

Сборы были недолгими. Водолазы перетащили рундуки со снаряжением на бот, и судно пошло вверх по Неве. Ход «полный», но бот движется медленно. Слева и справа лениво тянутся берега. Проходим под мостами. Их арки ещё долго видны за кормой.

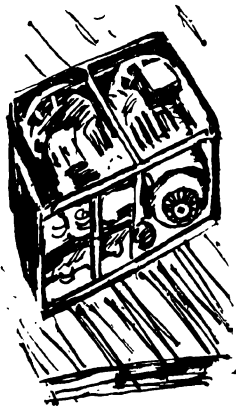
Прикрыв дверь кубрика, чтобы стук двигателя не мешал разговору, Юрий Павлович рассказывает о Невской Дубровке. Ему не раз доводилось там работать. Говорить о Невской Дубровке — это вспоминать о прошедшей войне.

— Земля там, я такой нигде не встречал. Тяжёлая... Иной раз после работы зачерпнёшь ладонями береговой песок. Чуть раздвинешь пальцы, песок вытечет, а тяжесть останется. Горсть ржавых осколков...

— А уж на дне-то...

— Что на дне, так это только наш брат водолаз знает...

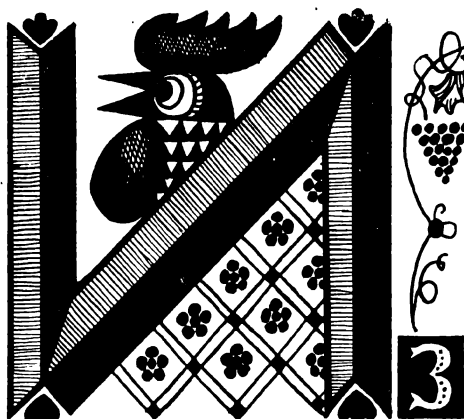
В Сапёрной я прощаюсь с Соловьёвым и его товарищами. Через несколько дней на дно реки у Невской Дубровки ляжет исправленный кабель. На дно ляжет мирный металл. Он принесёт людям свет и тепло. Прозрачной воды вам, водолазы, и благополучного возвращения на поверхность!

СТАРАЯ Франция... Красные черепичные крыши деревенок. Поля, окаймлённые густыми лесами. Горные склоны с душистой травой, на них — стада коров и овец. А выше, на неприступных утёсах, — замок графа или герцога, и по дороге к нему поднимается пыль, стучат копыта, мчится карета... Мир, покой, но затеют опять войну враждующие бароны — и потянутся по дороге вереницы солдат, дым пожара заслонит солнце.

В гуще всей этой весёлой и грустной жизни испокон века живёт народная поэзия. Долгие времена она была единственной летописью, сохранявшей память о минувшем. Французская народная поэзия донесла до нас и своеобразие многовековой истории страны, и многие национальные черты французского народа: патриотизм и любовное отношение к своему труду, доброе внимание к окружающей природе и, конечно, оптимизм, весёлость — знаменитое «галльское остроумие».

ФРАНЦУЗ- СКОЙ НАРОД- НОЙ ПОЭЗИИ

По дороге на Лувьер

*По дороге на Лувьер,
По дороге на Лувьер
Бедный каменщик каменя
День-деньской таскал до пота —
Он мостил, на удивленье,
Ровный путь у поворота
По дороге на Лувьер.*

*А изысканная дама
В позолоченной коляске
Мимо каменщика, прямо,
Проезжала, жмури глазки,
По дороге на Лувьер.*

*И сказала, примечая
Бедняка у поворота:
— Ох, и скверная какая
У тебя, дружок, работа
По дороге на Лувьер.*

*Бедный каменщик ответил:
— Нет, работа дорога мне,
А не то малютки-дети
Будут есть песок да камни
По дороге на Лувьер.*

*Коль, сударыня, в карете
Проводил бы целый день я,
То тогда не стал бы эти
Перетаскивать каменя
По дороге на Лувьер!*

Бедный землепашец

*Бедный землепашец,
Ну-ка, за работу!
Нет твоим несчастьям
Ни конца, ни счёту.
Ветер ли холодный,
Дождь ли проливной —
Ты до самой ночи
Не придёшь домой.*

*Налегай, Арондá,
Подпевай, Вирондá:
Борозда к борозде,
Ох-хо-хо! Хорошо!
Налегай, Шарбонне,
Подпевай, Морешо.*

*Бедный землепашец,
На полях с утра ты,
На твоей одежке
Там и тут — заплаты.
Башмаки промокли,*

*Гетры высоки —
Но сквозь дыры глина
Лезет в башмаки.*

*Бедный землепашец,
Нет у поля края!
Но идёшь за плугом,
Песни напевая.
Ты не принц, не герцог,
Не король, не граф,
Что пируют в замках,
Весь твой хлеб забрав.*

*Налегайте, быки,
Помогайте, быки:
К борозде борозда,
Ох-хо-хо! Хорошо!
Арондá, Вирондá,
Шарбонне, Морешо.*

Перевёл Мих. ЯСНОВ

Рис. Ю. Бочкарёва

С недавнего времени Сергей стал нумизматом. Он попросил маму прострочить несколько целлофановых пакетов. Сам сделал в образовавшихся кармашках узкие прорезы и разложил по ним свои монеты. Монеты были самые разные, из разных стран: австралийские центы, испанские песо, шведские эре.

Этажом выше в этом же доме жил мальчик лет десяти. Он тоже собирал монетки, но Сергей считал, что он слишком мал для такого занятия, и относился к нему несколько свысока, называл его про себя малышом, хотя сам был ненамного старше — в пятом классе учился.

Но монетки у малыша, к зависти Сергея, были не в пример интереснее и ценнее. Малыш охотно разрешал смотреть его коллекцию, а Сергей при этом всегда горевал: «Почему у меня таких нет?! Всё равно этот малыш ничего в них не смыслит. А туда же — нумизмат!»

Особенно нравилась Сергею монета из республики Мали. Такую нелегко достать! Да и сама монета — забавная. Подумать только, на обратной стороне её изображён бегемот. Как бы заполучить её? Может, попробовать обменяться? Да нет, обменный фонд у Сергея никуда не годился..

«А, всё равно малыш в монетах ничего не смыслит. Залить ему, что монета ценная, — он и поверит!» Сергей подумал так и тут же устыдился: значит, придётся сподличать, обмануть. Но отказаться от плана оказалось труднее, чем его придумать. Уж очень хотелось заполучить эту несчастную Мали с бегемотом.

Сергей долго обдумывал, как ему войти, как поздороваться, как разговор начать, и всё время на душе у него было тяжело. Но через день, после школы, Сергей всё же собрал обменные монетки и пошёл наверх. Чтобы не передумать, он быстро нажал на звонок. Открыл малыш.

— Привет! — сказал Сергей и как-то подхалимски улыбнулся. — Я к тебе!

— Привет! — дружелюбно ответил малыш и пропустил Сергея в прихожую.

Сергей ещё раз улыбнулся, и ему вовсе стало противно. Чтобы не молчать, он сразу предложил:

— Давай меняться!

— На что? — полюбопытствовал малыш.

— Что же ты гостя на пороге держишь? — раздался из кухни добродушный голос. — Проходите в комнату, там и поговорите!

«Плохо, что родители дома!» — подумал Сергей, но пошёл за малышом, а в комнате напомнил:

— Монеты на монету. То есть так: ты мне Мали, а я эти три. Американские! Ценные!

Малыш действительно неважно разбирался в нумизматике. Просто отец часто ездил за границу и привозил. Он подержал монеты в руке и сказал:

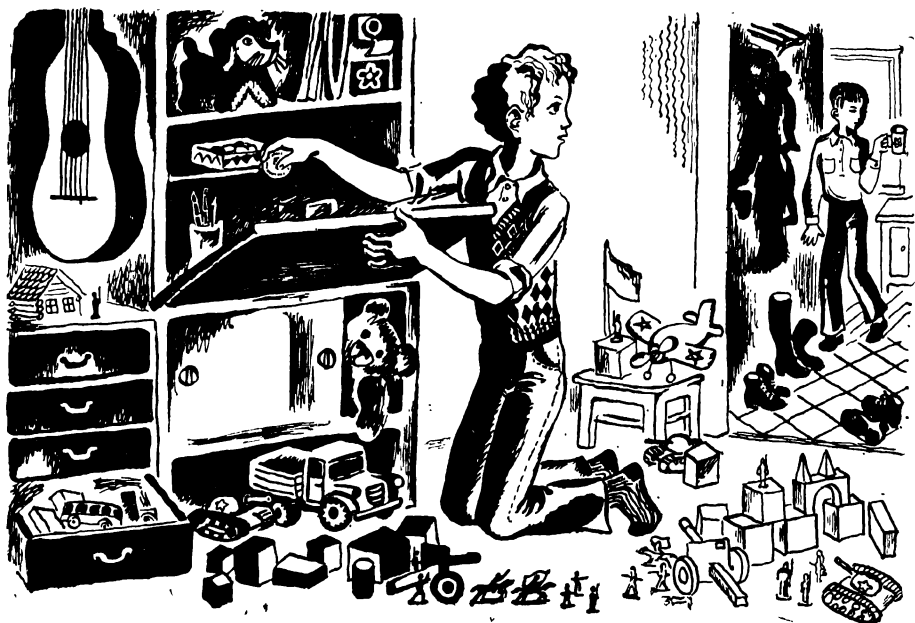
— Хорошие...

Серёга втайне обрадовался: «Теперь дело в шляпе!» Но малыш добавил:

— Сейчас только папе покажу. Если он разрешит... Я-то согласен!

Сергей торопливо выхватил монеты.

— Нет, потом! — И чтобы малыш не заподозрил чего, добавил: — Я

ещё чуток подумаю, тогда и сме-
няемся!

— Как хочешь,— спокойно ска-
зал малыш.— А сейчас давай в сол-
датики поиграем. Мне новые ку-
пили!

«Вот ещё!» — хотел было отве-
тить Сергей, но спохватился, что
лучше сойтись с малышом поближе
и согласился: — Что ж, давай!

Сергей ползал по полу, подбирая
солдатики, и размышлял: «Чего
это я ввязался? Ничего не получи-
лось, да ещё играй с ним! А что,
если взять монетку... Взять? Уж
скажи прямо — украсть... Но если
потихоньку... Никто не узнает и
доказать нельзя: мало ли — заката-
лась, затерялась... Потерялась, од-
ним словом!»

Но в этот вечер он так ни на что
и не решился. Его хорошо покорми-
ли у малыша, и он отметил для
себя, что ни взрослые, ни малыш не
могут знать, что он задумал, а сей-
час даже кормят и ласково разго-
варивают с ним.

На следующий день Сергей вновь
наведлся к малышу.

— Мы вчера не доиграли,— ска-
зал он.— Давай сейчас!

Малыш обрадовался — ему как
раз было скучно. Они вошли в ком-
нату. Коробка с монетами стояла,
как и раньше, на секретере. Отки-
нуть крышку и...

— Малыш, принеси, пожалуйста,
воды! — попросил Сергей.

Малийский пятицентовик ожёг
руку. Сергею хотелось положить
его назад и пойти помыть руки, но
вернулся малыш, и ему пришлось
опустить монету в карман.

На следующий день Сергей и
малыш встретились на улице. «Уж
не узнал ли чего?» — подумал Сер-
гей, тревожась, но, взглянув на от-
крытое, улыбающееся лицо малыша,
успокоился.

— Я попросил папу,— радостно
прошептал малыш, и глаза у него
засветились,— я тебе эту монету
подарю, хочешь?!

Рис. Л. Коломейцевой

«Тени из Дачного»

Четвёртый класс я окончил без троек. Я бы и в пятом хорошо учился, если бы не английский. Нет у меня к нему способностей. Не может же человек одинаково хорошо во всём разбираться. Вот и я — по математике всё выходит здорово, а английские слова хоть молотком в мою голову забивай, всё равно не пролежут. Поэтому у меня даже тройка

в году под вопросом, и ничем уже не исправить — началась последняя четверть.

Вы думаете — я один такой? Да спросите моих друзей — Вовку Ляпина или Толика Пашина, — они вам тоже скажут, что английский язык выучить невозможно.

«Я живу в Ленинграде. Ленинград лежит на реке Неве. Ленинград — красивый город»... И это всё по-английски! Я даже выговорить как следует не могу, а нужно наизусть выучить. Я уже два часа сижу над тетрадкой, и всё без толку.

В конце концов я смирился с завтрашней двойкой. Захлопнул тетрадь, быстро оделся и вышел во двор.

Там уже скучал Толик.

— Выучил? — спросил я его.

— Как же! — уныло ответил он. — «Пара» обеспечена. Она меня ещё не вызывала в этой четверти.

Потом вышел Вовка. У него про английский можно было и не спрашивать. Всё было ясно по его ошалелому виду.

Мы с Толиком сидели на ящике, в который дворники прячут планг, и глядели на Вовку. Потом Толик вдруг вскочил, поднял с земли палку от старой швабры и бросился Вовке навстречу:

— Защищайся, Портос!

— Правильно, — проворчал Вовка. — Д'Артаньяном опять будешь ты, и поэтому мы должны тебе поддаться. Не хочу я в мушкетёров играть.

— А во что хочешь? — Толик отшвырнул палку.

— Ни во что. Знал бы ты, как мне завтра влетит за английский!..

— Айда ко мне! — сказал Толик. — У меня никого нет.

— А что будем делать?

— Придумаем. Хотите — стерео-проигрыватель покажу? Мишка купил.

Мишка — это брат Толика. Ему восемнадцать лет, он уже закончил училище и работает.

Мы пошли к Толику домой.

Когда он начал ставить пластинку, меня осенило:

— Давайте играть в битлов!

Ребята поняли сразу.

Главное — внешний вид. Битлы, нарисованные на пластинке, были все волосатые, двое с бородами, один босиком. Когда у Толика в ванной кончились мочалки, он достал пакет ваты, и мы ему прилепили пластырем ватную бороду. Вовка снял кеды, а один носок оставил — так было ещё смешнее.

Потом мы стали слушать и запоминать музыку. Это было самое скучное.

— Да ну! — сказал Вовка. — Они даже громко кричать не умеют. И играют, как по радио. Давайте сами сочиним музыку.

Верно, у нас получилось гораздо громче. Мне дали Мишкину гитару, потому что в первом классе меня водили в музыкальную школу, чтобы я играл на скрипке. Придумали тоже! У меня слух — как у глухонемого медведя. Вовка Ляпиц играл на ударных — он поставил на диван сковороду и две кастрюли и колотил по ним ложками. Толик играл на игрушечном саксофоне, который ему подарили девочки на 23 февраля.

Сначала мы пели только «А-а-а!.. Ква-ква!» Потом Вовка предложил сочинить какие-нибудь слова. Мы стали вспоминать разные стихи, но Вовка снова возразил:

— Что мы — «Самоцветы» какие-нибудь, чтобы по-русски петь! Все битлы поют по-английски.

По-английски стихов мы не знали. Но тут я увидел на столе Толика тетрадку с заданием.

— Нашёл! — закричал я и начал напевать: «Я живу в Ленинграде. Ленинград лежит на реке Неве...»

Тогда мы начали петь совсем как настоящие битлы — непонятно и громко. Я время от времени заглядывал в словарь, чтобы знать — правильно ли мы выговариваем.

Мы еле слышали, как соседи Толика начали барабанить по стене и кричать. Мы сразу прервали выступление.

— Что будем делать? — шёпотом спросил я Толика.

Он ответил мне тоже шёпотом:

— Ничего страшного... Это один вредный старикан с третьего этажа. Он всегда стучит, когда Мишка музыку слушает. Он и сейчас думает, что это какая-нибудь новая пластинка. Попадёт не нам, а Мишке.

— «Ленинград — красивый город...» — снова закричали мы по-английски.

Когда мы спели весь урок раз пять, Толик сказал:

— А почему у нас нет названия? У всех ансамблей название.

Мы стали придумывать.

— Надо что-нибудь загробное, потому что у нас музыка загробная, — сказал Вовка.

«Три мертвеца»... «Мёртвые с косами»... Ничего не подходило.

— Где мы все живём? — ни с того ни с сего спросил Толик.

— В Дачном, — удивлённо ответили мы с Вовкой. — А что?

— «Привидения»... Нет — «Тени из Дачного»! Звучит?

— Отлично!

Мы снова исполнили нашу любимую и единственную песню. Я представлял себе, что мы играем в большом концертном зале. На Вовкиной сковороде написано зелёными буквами «Тени из Дачного». Публика, конечно, хлопает, кричит, а после концерта какая-нибудь девочка запрыгивает на сцену и отрывает карман с моей куртки. Здорово!.. Но тут я мысленно продолжил эту картину — из оторванного кармана на виду у всех зрителей падает грязный носовой платок, который лежит там, кажется, с начала года. Падает мамина записка: «Андрей, суп на плите, подогрей». Падает кусочек мела и вырванная страница дневника с двойкой... Лучше уж не надо зрителей.

И тут раздался звонок. Толик пошёл открывать.

— Попались, хулиганы! — На площадке стоял пожилой мужчина.

— Бежим, это Толькин сосед! — крикнул Вовка, и мы рванулись вниз по лестнице.

— Сумасшедший дом устроили! Концерт умалишённых! — слышалось сверху.

— Как он догадался, что это не пластинка? — удивился я во дворе.

Домой я пришёл поздно. Папа сразу же начал меня отчитывать:

— Бегаешь во дворе до ночи, а уроки выучил?

— Да, — буркнул я, чтобы он перестал ворчать.

Но у папы, видно, было плохое настроение, и он решил проверить меня.

— Математику пропустим... Физкультура... А что вам по английскому языку задавали?

Когда я ответил, он взял тетрадку и развернул её так, чтобы я не видел.

— Отвечай.

— Ну... «Я живу в Ленинграде... Ленинград лежит на реке Неве...» — Я начал вспоминать нашу песню. А когда рассказал урок до конца — очень удивился. Оказывается, я всё выучил!

Папа тоже удивился. Он даже сказал, что непонятно, почему мне ставят такие плохие оценки по английскому.

Утром по дороге в школу я повторял:

— «Ленинград — красивый город...» — Я даже за ночь ничего не забыл.

Толик с папи не разговаривал. Он обиделся, что мы убежали и не заступились за него, когда пришёл сосед.

А на английском я сам вызвался отвечать. Зоя Тарасовна очень боялась ставить мне пятёрку. Она даже руки мне проверила — не написал ли я на них что-нибудь. Но в конце концов поставила.

— Может быть, и Ляпин хочет ответить? — спросила она

Вовка пожал плечами и вышел. Он тоже догадался вспомнить наш вчерашний концерт и отвечал правильно. Только у него получалось

так, как будто он стихи рассказывает:

*Ленинград — красивый
Вый город...*

Он получил четвёрку.

Потом вызвали Толика, но Толик ничего не мог сказать, потому что он вчера не пел, а играл на саксофоне. Зоя Тарасовна поставила ему двойку. Толик на нас ещё больше обиделся.

А я вдруг подумал, что, оказываясь, можно всё-таки выучить английские слова. Нужно только подольше посидеть и больше повторять. Мы вчера повторяли этот урок весь вечер и случайно выучили его. Пожалуй, и музыка не нужна. От музыки только одни неприятности — Толика ругали, меня ругали. Вовку, наверно, тоже, только он никогда не рассказывает об этом.

С тех пор я стал получать по английскому языку четвёрки. На пятёрки моего терпения не хватало.

Вовка Ляпин стал барабанщиком нашей дружины. На следующий день после того урока он сам пришёл к вожатой и сказал, что умеет барабанить. Она проверила его и сказала, что у него хорошо получается. Правда, он не говорил ей, где он научился. Вовка тоже стал получать хорошие оценки по английскому, а иначе ему барабан бы и не доверили.

А Толик Папин начал хорошо учиться только назло нам. Чтобы доказать, что и он не хуже.

В конце концов мы помирились, и на вечере КВН с шестым классом у нас был такой юмористический номер — вокально-инструментальный ансамбль «Тени из Дачного». Мы пели нашу любимую песню, и все очень смеялись и аплодировали. Правда, бороды нам склеили девочки из ниток.

На всякий случай я перед выступлением проверил свои карманы и вынул из них всё лишнее. Но это уже к истории о том, как мы стали хорошо учиться, не относится.

Рис. К. Дмитрикова

М. ОЛЬШАНСКИЙ

Рисунки Н. Нефёдова

ТИМАНСКИЕ БУДНИ

Д О Р О Г А

Сонная, глухая тайга пробудилась от грохота. Моторы, моторчики, моторища запели, застрекотали, заголосили в Тиманских горах. Полетели в небесах серебряные птицы-самолёты, повисли стрекозами над зимней тайгой вертолёты, поползли по рекам, озёрам, сквозь леса и болота трактора, пробивая самую главную, самую надёжную автомобильную дорогу здешних мест — зимник.

Хороша дорога зимой! Ни тебе ям, ни колдобин. Мороз мостил, трактор разравнивал, колёса накатывали. Солидно, серьёзно урчит мотор гиганта-грузовика. Послушные колёса шуршат по снегу, по ледяной колее. Весёлый парень сидит за баранкой железного мастодонта. Мурлычет песенки, покуривает сигареты, внимательно смотрит на дорогу.

Тут есть на что посмотреть! Вековая тайга стеной стоит. Врассыпную разбегаются перед зелёным носом «Урал»-ЗИЛа высоченные лиственницы, разлапистые кедры, косматые пихты. Отбегают в сторону деревья, давая дорогу человеку и его технике, и тут же вязнут в сугробах. А сугробы такие — двухэтажный дом скроют.

Весёлый парень, которому повинуются вездеход, знай посматривает по сторонам да посвистывает. Сергей Коршунов — уроженец этих северных мест, и зимняя тайга для него — дело привычное.

— Дождались, дождались зимы! — твердит Серёга. — Зима для нас, шофёров-геологов, самое что ни на есть горячее время.

— Как так? — удивляюсь я.

— А вот так, — отвечает. — Продукты на целый год в тайгу завозим. Горючку, технику, запчасти. В другое время это сделать нельзя, дорогое удовольствие получается.

Бывалый человек — Сергей Иванович Коршунов. Всё-то он про эти места знает, всё объяснить может. Не случайно. Вся жизнь у человека с Севером связана. Школу закончил под Архангельском. Армейскую службу проходил в Заполярье. После армии живёт в городе Ухте. Здесь специальность шофёра приобрёл и вот уже пятый год по тайге колесит.

Вдруг Коршунов берёт резко вправо — и его машина со всего хода врезается в сугроб. Так закапывается в снег, что впереди ничего не видно.

— Ты... Ты это чего?

— Да так...— смеётся Серёга.— Надоело мне прямо ехать.

Я начинаю волноваться.

— Таёжный разъезд,— объясняет наконец-то свои действия Серёга.— Это мы встречный грузовик пропускаем. Иначе нам на зимнике не разъехаться.

Ах, вот в чём дело! Встречный «Урал»-ЗИЛ проурчал мимо нас. Проехал и остановился. После этого наша автомашина стала выбираться из сугроба. Враскачку. Вперёд-назад, вперёд-назад. Выбрались. Коршунов вылез на подножку грузовика, помахал рукой незнакомому мне человеку, погудел сигналом, и мы поехали дальше.

— А могли бы застрять в снегу?— спрашиваю у водителя.

— Дважды два,— отвечает.— Только ненадолго. Дядя Вася для того и остановился, чтобы подсобить, если что...

— А почему мы ему дорогу уступали?

— Потому что с грузом идём. У нас сцепление с дорогой лучше.

Мчимся вперёд по заснеженной полосе. Забираемся в сугробы, пропуская встречных. Опять мчимся вперёд.

— Этот зимник я не первый год знаю,— говорит Коршунов.— Не первый год по нему езжу, но чтобы такое движение... Никогда ещё не было. Большие дела у нас на Тимане начались!

Большие дела... Сразу вспоминается XXV съезд нашей партии, документы, принятые на этом съезде. В постановлении «Основные направления развития народного хозяйства на 1976—1980 годы» записано: «Значительно расширить **геологические работы** в Коми АССР». Вот почему началось такое интенсивное движение на трудных дорогах Среднего Тимана. Вот почему разногласным моторным звоном поёт зимняя тайга. Вот почему мчится сквозь заснеженные непроходимые леса гигант-грузовик. Пыхтит, урчит, тащит на своём горбу груды ящиков, бочек, тюков. Это идёт подготовка к летнему полевому сезону. Разведчики недр тиманской земли заранее запасают всё необходимое для летних изыскательских работ.

Тиман — страна лесов и непроходимых болот. Кроме зимника, здесь нет других дорог. Нет, но скоро будут.

Г Е О Л О Г И

Эти люди умеют смотреть на мир по-особому, по-своему.

Вот человек берёт камень в руку. Внимательно рассматривает. Он может лизнуть этот камень языком, поцарапать его кончиком ножа, капнуть на него кислотой, ещё несколько раз покрутить его, этот камень, перед своим носом, а потом аккуратно завернуть в бумагу и спрятать в рюкзак. Пожалуй, и всё. Но попросите его рассказать об этом камне, и вы услышите, что из этого камня можно строить дома и дворцы, получать металл. И вот уже перед глазами — многоэтажные, величественные города будущего, чудо-машины, межпланетные станции.

Некоторые думают, что геологию движут такие удачливые кладоискатели, которым воровит случай. Но время таких одиночек давно миновало. Наступила новая эпоха геологических открытий, эпоха новых методов поиска. Уже не одиночки, а большие коллективы учёных ведут планомерное наступление-поиск земных богатств. Вспомните карту нашей Родины. Есть места, где человек испокон веков подчинял своей воле и леса, и реки, и недра земные. Экономно и по-хозяйски используется и уголь, и железо, и глина, и строительный камень. Но есть

ещё такие уголки, где люди используют на своё благо всего тысячную часть того, что им могут дать недра. Вот почему такое пристальное внимание нашего народа, нашей партии направлено на Северо-Восток европейской части Союза.

— Ничего не знаю интереснее своей работы,— любит повторять мой школьный товарищ Андрей Васильевич Сумароков, с которым я неожиданно повстречался на Тимане, где он руководил одним из геологических отрядов.— С детства люблю таинственные истории и приключения. Вот и геологию, помимо всего прочего, за увлекательность уважаю. Работа геолога чем-то похожа на работу следователя. Таинственные происшествия, загадочные исчезновения. Только в геологии всё сложнее и запутанней... Мы идём по следам событий, которые скрыты в глуби веков, во тьме тысячелетий. Представляешь, какой простор и для фантазии и для самых смелых предположений? Мыслить приходится.

Трудна, но прекрасна работа в геологоразведке! Об этом мне толковали и представители другой разновидности землекопателей — буровики. Многокилометровый комплект труб, мешки с цементом, могучий двигатель на колёсах, колченогая вышка — всё это было завезено в глубь тайги ещё зимой. Тогда же буровая установка была приведена в рабочее положение.

Восемь человек в бригаде мастера Пронченко. Все как на подбор. Каждый на любом месте может работать. И за моториста, и за верхового, и на подсобных операциях.

— Мотор!

Упираются в землю стальные откосы вышки. Уходят в недра земли крепчайшие желваки-буры. Медленно скользит за ними крепкая стальная труба. Вот ящики с керном. Аккуратные, ровные, разноцветные столбики горных пород подняты из глубины. Это готовая продукция бригады Пронченко. Много ли могут рассказать людям обыкновенные камни? Много. Нужно только уметь читать таинственные строчки истории нашей планеты.

В том, что недра Тимана богаты, геологи никогда не сомневались. Ещё в XVIII—XIX веках предприимчивые русские купцы и промышленники добывали в этих местах драгоценное «земляное масло» — нефть. XX век ворвался на Тиман с приходом Советской власти. Кто не знает о знаменитом на весь мир Печорском каменноугольном бассейне? Кто не слышал о прекрасном северном городе шахтёров Воркуте? А вот про богатейшее месторождение природного газа и конденсата о громадных

запасах полиметаллических руд, мало кто слышал. Это события дней совсем недавних. Богатства были открыты в самое последнее время.

Каменный уголь, нефть, газ, редкие металлы — даже этот далеко не полный список полезных ископаемых Тимана говорит о многом. Не случайно в разделе, посвящённом геологоразведочным работам, в документах XXV съезда нашей партии записано: «Повысить экономическую эффективность поисковых и разведочных работ в качестве подготовки запасов полезных ископаемых. Обеспечить опережающий рост разведанных запасов минерального сырья по сравнению с темпами развития добывающих отраслей промышленности».

Эти слова чётко определяют цели и задачи геолога в десятой пятилетке. Это значит, что разведчики недр должны так изучить подземные кладовые нашей страны, чтобы на любое требование отвечать очень простым и ёмким словом: «Пожалуйста!»

— Нужно железо? В таком-то районе имеются такие-то запасы железа. Вам понадобился титан? Титан возьмите там-то.

Вот для того, чтобы знать всё про недра Тиманских гор, и трудятся в поте лица геологи: и отряд изыскателей Андрея Сумарокова, и бригада буровиков Пронченко, и многие-многие другие.

Закончили одну скважину, сложили ящики с керном, собрали буровую установку, перекочевали на следующую точку Тиманского края. И снова всё с самого начала. Разбили лагерь, собрали буровую, нацелили бур в землю. Метр за метром в глубь земли...

ТИМАНО-ПЕЧОРСКИЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС

Машина грохотала, ревела и вздрагивала, разгоняя винты на своей спине. Потом вертолёт зарычал — пыль взметнулась. Никто, пожалуй, и не заметил, как мы оторвались от земли. Странное и удивительное состояние охватило меня, когда впервые забрался в алюминиевое брюхо механической стрекозы и полетел. Когда ощущаешь вибрацию машины и видишь над головой непривычный, прозрачный круг винта, поневоле призадумываешься с непривычки. Но на Четласский Камень никаким другим транспортом не доберёшься летом — ни взлётных полос, ни дорог. 500 километров непроходимой, заболоченной тайги.

Смотрю сверху. Зелёная безбрежность. Бирюзовые волны невысоких холмов. Малахитовые разливы болот. Пушистые взрывы кедровых сосен. Колючесть елей и пихт. Леса, леса, леса... Болота, речки и снова леса. Самое интересное, что в этих лесах и болотах, несмотря на всю их бескрайность, уже сегодня довольно трудно заблудиться, потому что Тиманская тайга надёжно разбита на равные участки широкими просеками и трубопроводами. Бегут эти самые ручейки-трубопроводы из самых далёких и труднодоступных мест, сливаются воедино, и вот уже

могучая нефтяная река Ухта — Центр питает промышленность республики Коми и всей нашей страны.

Я видел истоки этой реки. Чёрные коромысла насосов двигаются плавно и ритмично. Вверх-вниз, вверх-вниз. Поскрипывает металл, гудят моторы, булькают и урчат трубы, высится в стороне серебряная цистерна-резервуар с громадными буквами «Не курить» на алюминиевом брюхе резервуара, и бегут в разные стороны тиманской тайги стальные трубопроводы да просеки.

Немноголюдно на нефтепромысле в любое время суток. Автоматы и прочая хитрая техника самостоятельно занимаются добычей этого очень нужного для всей нашей страны сырья. Люди лишь контролируют да следят за порядком. Немало нефти и газа добывается у нас на Тимане, но будет добываться ещё больше, потому что буровики и геологи ежегодно открывают всё новые и новые месторождения. Это не единственный способ увеличить добычу. Эксплуатационники придумывают новые, более совершенные методы разработки и новых и старых скважин.

Нефть и газ — не единственное богатство тиманских недр. И строительный камень, и металлы, и каменный уголь — да разве можно перечислить всё, чем богата земля республики Коми! Взять, к примеру, одно из последних геологических открытий. Принято считать, что уж чем-чем, а алюминием земля богата. Действительно богата, только алюминий, один из самых распространённых металлов на земле, почти не имеет таких крупных месторождений, как, например, железо или медь. Этим могут похвастаться, пожалуй, только тропические области нашей планеты. И вот на геологических картах нашей страны появился Четласский Камень — уникальное месторождение алюминия.

В десятой пятилетке продолжается комплексное преобразование отдельных районов страны. Вот и Тимано-Печорский промышленный комплекс. Это не только строительство нового алюминиеплавильного комбината. Это строительство газопровода «Северное сияние». Это новые ветки железнодорожных магистралей. Новые дороги и шахты. Новые заводы и прииски. Этого мало. Строятся электростанции, соединяются с единой энергетической системой страны. Начинают возводиться среди болот и лесов новые лесопильные и бумагоделательные комбинаты. Но и этого мало. В республике Коми начинается новый, невиданный рост городов и посёлков. Республика превратилась в гигантскую строительную площадку.

Скоро, очень скоро будет невозможно узнать огромный район нашей Родины. Первые, самые трудные шаги в его перестройке уже сделаны.

С. ПИВОВАРОВ

ГАММЫ ДЛЯ МАМЫ

*Каждый день
играет Нина
два часа
на пианино.
Но зависит
всё от мамы:
дома мама —*

*значит, гаммы,
мамы нет —
и гамм не жди.
Вместо них —
«Не плачь девчонка»,
вместо гамм —
«Пройдут дожди».*

Но
ЖИЗНИ
РАЗУМНОЙ
У
НАС
НЕ
НАШЛИ,
РЕШИЛИ
УИТИ.
И
ПРИЙТИ
ПОГОДЯ.

ПРИШЕЛЬЦЫ ПРИБОРЫ
НАЦЕЛИЛИ
ТОЧНО-И ЛУЧ
НА ПЛАНЕТУ
ПОСЛАЛИ
СВЕРХМОЩНЫЙ!

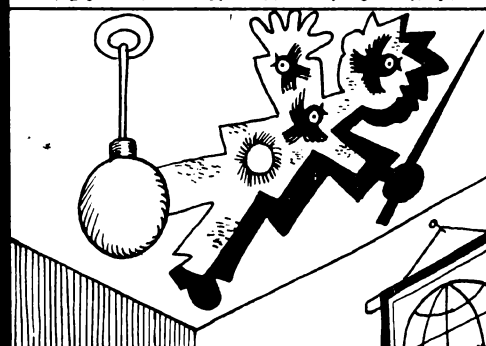
ПРОЗВИВ ОБЛАКА,
ОН ЗАДЕЛ
ТЕЛЕВИШКУ...
РАСПЛАВИЛ
В МГНОВЕНЬЕ
КАКУЮ-ТО
КРЫШУ...

ПРОБИЛ ПЕРЕКРЫТЬЯ И... ТОЧНО ПОПАЛ
В ТОТ КЛАСС,

ГДЕ НАШ ВИТКА
У КАРТЫ СТРАДАЛ!

НАЗАД ОТРАЗИЛСЯ

И СКВОЗЬ ПОТОЛОК ОН ВИТКУ К ПРИ-

ШЕЛЬЦАМ
С СОБОЙ УВОЛОК!
ДОСТАВЛЕН БЫЛ ВИТКА
В КОСМИЧЕСКИЙ ДОМ...
**ЧТО БУДЕТ С
НИМ ДАЛЬШЕ?**
УЗНАЕМ ПОТОМ... А ПЛАН
У ПРИШЕЛЬЦЕВ ХИТЁР
БЫЛ И СЛОЖЕН. ЧТО
ЭТО ЗА ПЛАН?
ВЫ

УЗНАЕТЕ
ТОЖЕ...

Г. ГОНЧАРОВ

Пиня

Рисунки А. Позлевич

По берегу узкой по-весеннему шумной и мутной речушки стояли низкорослые берёзки.

Два пушистых взъерошенных комочка — северные пуночки, прижавшись друг к другу, сидели на ветке берёзки, укрываясь за её стволом от холодного порывистого ветра. Они сидели уже давно. Самочка была в сером скромном наряде, а самец — в ярком оперении с тёмно-зелёным воротником на груди.

«Ну что это? — думала пуночка. — В прошлом году в это время у меня было уже много пёстреньких яичек, все в точечках. А сейчас ни одного. А время идёт. Когда же мы птенцов учить летать будем?» От этих огорчительных мыслей она, не сдержавшись, недовольно пискнула. Самец успокаивающе чиркнул в ответ.

Откуда-то возник посторонний шум. Он ширился, нарастал, усиливался. Птицы беспокойно закрутили головами, осматривая низкое грязно-ватное небо. В небе появилась точка. Она росла быстро, приближалась, зависла над заснеженной поляной и села. Стало тихо.

«Кого это ещё принесло? Большое что-то... Нам-то есть нечего, а что же оно есть будет?»

Оно рассыпалось на несколько фигурок.

— Трое их, — пискнул самец.

— Да, трое, — согласилась пуночка. Больше трёх они просто считать не умели.

Людей было четверо. Они были геологами. А эта речушка — район их работ.

— Фют! — присвистнул геолог. — Обстановочка! И живности никакой.

— А вон на берёзке две птицы, — сказал рабочий.

— И верно...

— Смотри-ка, у самого-то фрак какой яркий.

— Эй, Пиня! — окликнул геолог птаху.

— Сам ты Пиня! — обиделась за мужа пуночка. Однако ему имя Пиня понравилось.

— А ничего эти трое, только шумные очень. Интересно всё-таки, что есть-то они будут? Комара и мошки ещё нет. Ягоды когда ещё будут...

Эти трое засуетились. Они быстро сгружали и оттаскивали в сторону от поникшей машины какие-то тюки, ящики, свёртки. Затем пожали руки лётчикам и отошли в сторону. Машина ожила, встряхнулась. Снова зашумело, загрохотало. Вертолёт легко оторвался от земли и улетел. Люди ещё долго махали ему вслед руками, а потом взялись за свои дела.

Они срубили несколько берёзок. Однако берёзку, облюбованную Пиней и его подругой, не тронули. Птахи не улетели. Они с интересом следили за суетнёй людей, позабыв о холодном ветре, о своих печальных делах.

«Корм, должно быть, ищут, — насмешливо думал Пиня. — Да разве там найдёшь чего, всё водой повымыло. Вон повыше кое-что можно разыскать. Ягоды падаются прошлогодние».

— Показать им ягоды-то? — спросил Пиня.

— Надо бы, да шевелиться не хочется. Холодно, — ответила пуночка и закрыла глаза.

— Пусть ещё поищут, и скажу, — чиркнул Пиня. — Ха! Гнездо

никак свили? Как у пчёл, где мы зимовали, только побольше. Правда, похоже?

— Похоже, — откликнулась пуночка и горько вздохнула, — когда же мы-то совьём?

— Пинята! Вам не холодно? — обратился к ним самый маленький из троих. — Есть, наверное, хотите?

— Холодно, и есть хотим. — благодарно откликнулся Пиня.

— Смотри-ка, Пиня! — обратилась восторженно к мужу пуночка, не замечая, что назвала его так же, как геолог. — Смотри-ка, сколько у них семян-то! Ой, просыпали! Да нам этого дня на два хватило бы.

— Погоди. Слетаю, гляну.

— Ты осторожней уж там. Может быть, не просыпано это. Сеют.

— Да вроде просыпано. Топчут. Вон ногами наступили и не заметили, — ответил Пиня.

— Наша живность-то ожила. Вон как обсуждают нас, — заметил геолог.

— Может быть, им кормушку сделать, — предложил маленький.

— Ага, такую дощечку возьми. Здесь и здесь верёвочки, и повесь к берёзке, — посоветовала пова-риха.

Пиня, заметив, что трое громко чирикают между собой, стремительно спланировал к просыпан-ным семенам. В мгновение зоб был набит ядрёными зёрнами гречи. Пиня вернулся, описал дугу вокруг подруги, приглашая её за собой. Птахи исчезли.

В лагере геологов они появи-лись только к вечеру. Устроились на той же берёзке, вежливо поздоровались.

— Привет, привет, — ответили трое. — Где пропадали?

— Видишь, не сердятся за се-мена. Значит, просыпали, — ска-зал Пиня. — Наверное, много у них.

— Пип! Что это? — от удивле-ния чуть не свалившись с ветки, пискнула пуночка.

Ниже, там, где кончаются ветки берёзы, висела на бечёвках доска, на которой толстым слоем были насыпаны зёрна разных круп. С этого дня каждое утро на подвешенной у берёзки доске Пиня и его подруга находили что-нибудь вкусное. Иногда это были семена неизвестных им растений, иногда крошки хлеба. Эта пища им была знакома. Они подбирали их на

шумных площадях базара пыльного знойного города, города своей зимовки.

Люди птиц не беспокоили. Взрослые изредка появлялись у кормушки, проходя мимо на работу или с работы, присвистнут и позовут: «Пиня!» Он уже знал, что так его называли эти люди, и благодарно попискивал в ответ из кормушки.

Больше всего беспокойства доставлял птицам сын геолога. Он незаметно подкрадывался к кормушке, чтобы посмотреть, как кормятся птицы, или подсыпать им очередную порцию. В первые дни птицы испуганно взлетали повыше на берёзку и оттуда недовольно что-то выговаривали человеческому детёнышу. Кормушку они уже считали своей. Но заметив, что после очередного посещения шустрого маленького кормушка пополнялась аппетитными зёрнышками, птицы перестали бояться его.

Шли дни. Дождливое время миновало. Северный ветер утих. Всё реже прилетала к кормушке подруга Пини. У неё в гнезде появились первые яички.

Весна пришла сразу в этот суровый северный край. Полопались и зазеленели почки на кустах и деревьях. Пробивалась плотным ковром трава. Светлела в реке вода. Появились комары, мошкара, всякая другая крылатая живность. Солнце почти не уходило за горизонт. Геологи заканчивали работу в этом районе и скоро собирались переезжать ниже по реке.

Пиня и его подруга об этом, конечно, не знали. Они совсем привязались к людям, и, когда те долго не показывались из своего домика, Пиня бегал по полотну палатки и призывно попискивал. На призыв всегда кто-нибудь выходил, и Пиня заливался весёлым щебетанием.

И вот однажды утром из лагеря никто не ушёл. Все сустились возле палатки.

«Что это они сегодня такие беспокойные?— думал Пиня, перепрыгивая с ветки на ветку.— Улетать на юг рано. Ещё не осень». Он перелетел с берёзки на берёзку. Побегал по земле, заглядывал в палатку. Слетал к гнезду и привёл Пинчиху. Пуночка, облетев несколько раз вокруг лагеря, тревожно попищала и, ничего не поняв, улетела к уже появившимся птенцам.

Когда же геологи свернули домик, Пиня всё понял: люди уезжали. И Пиня заметался. Он летал от одного человека к другому, призывно попискивал, звал их всех к кормушке, чтобы показать, что кормов ещё много. Он уговаривал их остаться.

— Пора нам, Пиня, пора. План у нас,— сказал геолог.

А Пиня горевал. Он никак не мог понять, зачем же уезжать сейчас, когда тепло, много еды, зелени, никакой опасности и они так сдружились.

Люди собирались. Они загрузили и увязали лодки, прошли последний раз по опустевшему месту и сели в лодки.

— Прощай, Пиня! До следующих встреч!

Этого Пиня никак не мог выдержать. Он бросился вслед уходящим лодкам. Он кружил и кружил над ними, всё ещё не веря, что люди уже не вернуться.

— До свидания, Пиня! Тебе пора домой.— И геолог протянул как для прощания руку. И вдруг Пиня, затрепетав крыльями, сел на раскрытую ладонь человека.

— Будь здоров, Пиня! И дети твои тоже. Я понимаю тебя, Пиня. Друзей терять тяжело. Но мы ещё увидимся. Лети, Пиня!— И геолог подбросил лёгкий пушистый комочек в воздух.

Долго ещё крутила и несла река неуправляемые лодки. Люди сидели молча, опустив головы, не глядя друг на друга, не прикасаясь к вёслам.

...в Африке, в труднодоступных и малонаселённых районах Северной Кении, встречаются слоны-гиганты, бивни которых почти достигают земли и весят более 70 килограммов! Местные жители окружили слонов любовью и почитанием и даже дали им человеческие имена. Однако над редкими животными нависла угроза погибнуть от пуль браконьеров. Президент Кении Джомо Кениата объявил леса Марсабита национальным заповедником, а тех, кто поднимет руку на слона, приказал привлекать к строгой ответственности. Одному из таких слонов-гигантов — Ахмеду — посвящён фильм под названием «Король слонов».

...один из американских президентов — Теодор Рузвельт — держит мировой рекорд по количеству рукопожатий! 1 января 1907 года он по случаю новогоднего праздника приветствовал 8513 человек.

...на больших глубинах в Тихом океане в тралы рыбаков стала попадаться необыкновенная рыба! Это макруранусы. У них змеевидное туловище и огромная зубастая голова, оригинальная чешуя, усаженная шипами. За её вид рыбу называют тихоокеанским «ихтиозавром». Рыба-хищник питается анчоусами, гребешками и различными рыбообразными. Большую ценность представляет её печень, из которой получают витамин А.

...в Токио, Осаке, Нагое и других крупных городах Японии насчитывается 146 подземных улиц! На них расположено множество лавок, закусочных, ателье, где трудится около 50 тысяч рабочих и служащих. Условия труда под землёй очень тяжелы: спёртый воздух, сырость, отсутствие естественного света, постоянная опасность возникновения пожара. Ежедневно на этих улицах бывает до 12 миллионов человек.

...вблизи города Себеш (Румыния) природа создала удивительный по красоте архитектурный ансамбль! Он назван Рыпа Рошие (Красный обрыв) за красноватый цвет почвы. Бесконечные анфилады колонн, множество причудливых пирамид, лоджий, башен. Себешское чудо природы протяжённостью более километра поднимается на 120 метров вверх по склону гор. Румынские геологи установили, что 60 миллионов лет тому назад на этом месте было дно глубокого моря. Отступление воды вызвало длительный процесс эрозии, в результате которого появились сказочные изваяния Рыпы Рошис. Удивительное творение природы объявлено государственным заповедником.

...в окрестностях бельгийской столицы Перселе в местном муниципалитете произошёл необычный случай при регистрации новорождённого! Когда глава семьи назвал имя сына, служащий муниципалитета не смог повторить его. И не мудрено. Имя мальчика составлено из фамилий двадцати футболистов основного и запасного состава местной футбольной команды.

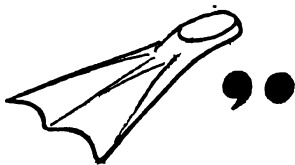
...в недрах гор, под перевалом Сен-Готард (Швейцария), строители, идущие с юга и севера, соединились! Туннель сквозь Альпы пробит! На это потребовалось шесть с половиной лет упорного труда. Это самый большой туннель в Европе. Его длина — более 16 километров!

...современный Робинзон Крузо обнаружен на необитаемом острове, в 250 километрах от Токио! Им оказался художник-иллюстратор одной из токийских компаний, решивший уединиться, чтобы с помощью кисти и красок рассказать, что чувствует человек, оказавшийся в положении Робинзона. Художник питался на острове дикорастущими овощами, фруктами и ягодами, ловил рыбу. За несколько месяцев одиночества он нарисовал около 50 картин, которые по возвращении в Токио намерен показать на выставке под девизом «Глазами современного Робинзона».

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Угадайте, какое слово зашифровано в этом ребусе.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 3)

КРОССВОРД

1. Почва. 2. Арфа. 3. Атолл.
4. Лавр. 5. Рупор. 6. Результат. 7. Табун. 8. Наводнение. 9. Ежевика.
10. Авторитет. 11. Толк. 12. Крюк.
13. Каверза. 14. Автол. 15. Лантан.
16. Настил. 17. Лютя. 18. Ялик.
19. Кошка. 20. Аллюр. 21. Рубеж.
22. Жерех. 23. Холст. 24. Таган.
25. Навес. 26. Салют. 27. Тембр.
28. Режим. 29. Манок. 30. Ковёр.
31. Рывок. 32. Кокс. 33. Синус.
34. Сосна.

АРИФМЕТИЧЕСКИЙ РЕБУС

$$379 \times 74 = 28046$$

Содержание

Чилиец Володя. Баллада Иосифа Курлата	1
Левини приехал... Очерк Эд. Аренина	3
Пробуждение. Повесть Ивана Сабилы	10
В дозоре. Рассказ Бориса Раевского	26
Проталинки. Стихотворение М. Тахистовой	33
Учитель математики. Рассказ Юрия Калинина	34
Два зелёных флага. Очерк А. Гиневского	37
Из французской народной поэзии	44
Малыш. Рассказ Б. Линькова	46
«Тени из Дачного». Рассказ А. Смирнова	48
Тимавские будни. Очерк М. Ольшанского	51
Гаммы для мамы. Стихотворение С. Пивоварова	55
Пришельцы. Повесть в стихах и рисунках Мих. Мишина и Ю. Бочкарёва	56
Пиня. Рассказ Г. Гончарова	58
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок П. Вискова «Родной Ильич».

На 2-й странице обложки «Страницы великой жизни». Фотоэтиюд М. Дмитриева.

На 3-й странице обложки «Тренировка космонавтов». Фото ТАСС.

На 4-й странице обложки рисунок Г. Ясинского «Помогите спортсменам».

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

И. о. редактора-составителя Г. А. АРШИННИКОВ

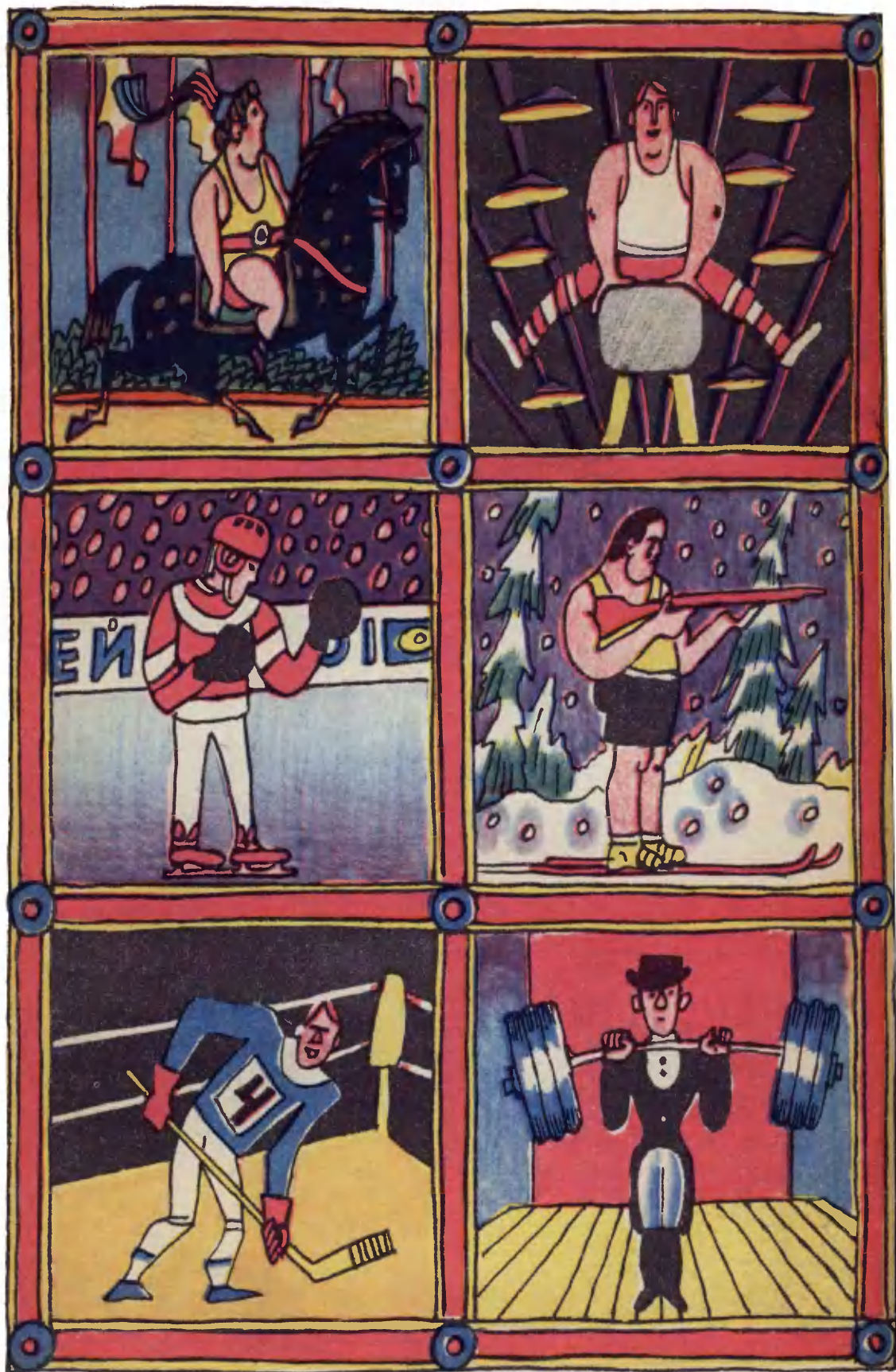
ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов, Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов, А. М. Млодик, В. Н. Суслов.

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 5/III 1977 г. Подписано к печати 22/IV 1977 г. 4 п. л.
М-14857. Зак. № 83. Формат бумаги 70 × 108^{1/16}. Цена 10 коп. Тираж 64 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57.

На лыжне, на льду, на ринге
тот не тут и то не там.

Кто „распутает“ картинки
всё расставит по местам?